

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, featuring small bird-like motifs at the corners, framing the entire page.

Вильям Шекспир

**РОМЕО
И ДЖУЛЬЕТТА**

Перевод Юрия Лифшица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭСКАЛ, принц Вероны.

ПАРИС, юный джентльмен, родственник принца.

МОНТЕГЮ, главы двух враждующих домов.

КАПУЛЕТТИ,

дядя КАПУЛЕТТИ.

РОМЕО, сын Монтегю.

МЕРКУЦИО, родственник принца
БЕНВОЛИО, племянник Монтегю } друзья Ромео.

БРАТ ЛОРЕНЦО } монахи-францисканцы.
БРАТ ДЖОН }

БАЛЬТАЗАР, слуга Ромео.

САМСОН слуги Капулетти.

ГРЕГОРИ

ПЕТР, слуга кормилицы.

АБРАМ, слуга Монтегю.

АПТЕКАРЬ.

ПАЖ Париса.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ.

ЛЕДИ МОНТЕГЮ, жена Монтегю.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ, жена Капулетти.

ДЖУЛЬЕТТА, дочь Капулетти.

КОРМИЛИЦА, няня Джульетты.

ГОРОЖАНЕ, РОДСТВЕННИКИ обеих семей, МАСКИ, СЛУГИ,
СТРАЖА и ПРИДВОРНЫЕ.

ХОР.

Место действия — Верона и Мантуя (в пятом акте).

ПРОЛОГ

Входит ХОР.

ХОР. Два славных, но враждующих семейства
В Вероне, что построил бутафор,
Втянули граждан в новое злодейство,
И те схватились было за топор.
Но отпрыски двух кланов полюбили
Друг друга под влияньем высших сил,
Когда злой рок, толкнув детей к могиле,
Родительскую свару прекратил.
Всей их любви трагической течение,
Их смерть из-за ошибки роковой,
Отцов их безутешных примиренье
Покажем в пьесе мы двухчасовой.
Чтоб вам ее прослушать без помехи,
Игрой мы залатаем все огрехи.

(Уходит.)

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Верона. Городская площадь.

Входят САМСОН и ГРЕГОРИ.

САМСОН. Уж я-то слюни распускать не буду.
ГРЕГОРИ. Ну да, иначе ты носил бы слюнявчик.

САМСОН. Я тебе не какой-нибудь слюнтяй: в случае чего задавлю.

ГРЕГОРИ. Будешь задаваться, тебя самого где-нибудь случайно удавят.

САМСОН. Кто меня тронет, сразу схлопочет.

ГРЕГОРИ. Только вот стронуть тебя — довольно хлопотно.

САМСОН. Пусть только попробует какая-нибудь собака Монтегю укусить меня.

ГРЕГОРИ. Когда укусит, поздно будет. Смелчак в самом деле не скукнется и перед самым кусачим псом. А ты, мне кажется, покажешь спину, увидев псину. Даже дворовую.

САМСОН. Когда я что-то показываю, то отнюдь не спину. Если же меня облает кто-нибудь из дворни Монтегю, как выскочу из-за угла, — все их мужики и девки будут у меня искать пятый угол.

ГРЕГОРИ. Только слабаки нападают из-за угла. Значит, ты слабак.

САМСОН. Разве я похож на девку? Девки действительно создания слабые, поэтому их и лапают по углам. А я мужиков Монтегю в угол загоню, а девок — прижму в углу.

ГРЕГОРИ. Когда господа дерутся, слугам вступать не след. А девки тут вообще ни при чем.

САМСОН. Плевать мне на это. Я им всем устрою: сперва мужиков проткну, потом девок.

ГРЕГОРИ. Проткнешь девок?

САМСОН. Девки или девкам. Как хочешь, так и думай.

ГРЕГОРИ. Пусть девки думают, хотеть им или нет, если что-нибудь почувствуют.

САМСОН. Меня они будут чувствовать до тех пор, пока я сам не упаду без чувств. Да ведь и мяса кус не заваливающий.

ГРЕГОРИ. Мясо лучше: рыба давно завялилась бы в штанах. Кстати, вот идет парочка дворняг Монтегю — показывай, что хотел.

Входят АБРАМ и БАЛЬТАЗАР.

САМСОН. Не беспокойся, покажу. Начинай ссору и помни: я рядом.

ГРЕГОРИ. Рядом за углом?

САМСОН. Да не бойся ты, со мной не пропадешь!

ГРЕГОРИ. А без тебя?

САМСОН. Сделай так, чтобы их же потом и обвинили.

ГРЕГОРИ. Я на них так посмотрю — пусть что хотят, то и делают.

САМСОН. Этого мало. Лучше я им нос покажу — это гораздо оскорбительней. *(Показывает.)*

АБРАМ. Это вы нам показываете нос, сэр?

САМСОН. А что его показывать, его и так видно, сэр.

АБРАМ. Но вы его все-таки показываете. Вот я и спрашиваю: не нам ли, сэр?

САМСОН (к ГРЕГОРИ). Может быть, ответить «да»?

ГРЕГОРИ (САМСОНУ). Тогда обвинят в ссоре нас.

САМСОН. Вам показалось. Лично вам никто носа не показывает. Он и так у всех на виду, сэр.

ГРЕГОРИ. И что вы к нам пристали, сэр?

АБРАМ. Мы к вам? Скорее, вы к нам, сэр.

САМСОН. Если вы не отстанете, я вам тогда в самом деле кое-что покажу. Слуги стоят своих господ, а наш господин ничуть не хуже вашего.

АБРАМ. Но и не лучше.

САМСОН. Не лучше?

ГРЕГОРИ (САМСОНУ, заметив приближающегося ТИБАЛЬТА). Говори, что лучше. Вон идет племянник нашего господина.

САМСОН. Нет, сэр, наш господин лучше.

АБРАМ. Ты нагло лжешь!

САМСОН. Что ж, покажите нам ваши шпаги, если вы мужчины. Грегори, вся надежда на твой коронный удар.

Сражаются.

Входит БЕНВОЛИО.

БЕНВОЛИО. Опомнитесь, болваны! Шпаги в ножны!

Подумайте, чем это всем грозит!

(Выбивает у них оружие.)

Входит ТИБАЛЬТ.

ТИБАЛЬТ. Как! Ты дерешься с дворней? Обернись!

Бенволио, на смерть свою взгляни!

БЕНВОЛИО. Я разнимал их. Шпагу убери

И лучше помоги их успокоить.

ТИБАЛЬТ. Спокойствие и меч несовместимы!

Меня покой твой бесит, как геенна;

Как все вы, Монтегю; как бесишь ты.

Дерись, подлец, иначе ты покойник!

Сражаются.

Входят СТОРОННИКИ Монтегю и Капулетти, присоединяются к дерущимся. Входят ГОРОЖАНЕ с дубинами и топорами.

ГОРОЖАНЕ. Бей! Навались! Лупи и в хвост и в гриву!
Жарь Капулетти вместе с Монтегю!

Входят КАПУЛЕТТИ в ночном колпаке и ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

КАПУЛЕТТИ. Что там за свалка? Вот я меч возьму!
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Возьми костыль и костыляй отсюда!
КАПУЛЕТТИ. Меч, я сказал! Взгляни на Монтегю:
Старик, а в пику мне вооружился!

Входят МОНТЕГЮ и ЛЕДИ МОНТЕГЮ.

МОНТЕГЮ. Ты, Капулетти, подлый трус!

(К ЛЕДИ МОНТЕГЮ.)

Отстань!

Сейчас ему задам я!
ЛЕДИ МОНТЕГЮ. Не пущу!

Входит ПРИНЦ со СВИТОЙ.

ПРИНЦ. Враги покоя! Вы неизлечимы!
Вам только бы пятнать соседской кровью
Свои мечи! И слушать не хотят!
Не люди вы, а звери. Прекратите!
В пожар безумной ярости не воду,
А пурпур из артерий лете вы.
На дыбе околет, кто не бросит
Оружье, закосневшее в резне.
Ваш принц разгневан. Слушайте меня.
Уже три раза смуту городскую
Вы сеяли пустою болтовней,
Вы, старцы, Монтегю и Капулетти,
Взрывали трижды улиц тишину.
Едва ль не каждый старожил Вероны
Был не по-стариковски снаряжен,
Брал старческой рукой старинный меч
И в вашу свару старую вступал.
Но если беспорядки повторятся,
Поплатитесь вы кровью у меня!
Всем разойтись! За мною, Капулетти.

А вам я предлагаю, Монтегю,
В гражданский суд Фритауна явиться,
Где волю вы узнаете мою.
Все по домам! Ослушники умрут.

*(Все, кроме МОНТЕГЮ, ЛЕДИ МОНТЕГЮ
и БЕНВОЛИО, уходят.)*

МОНТЕГЮ. Кто ветхую вражду возобновил?

Скажи, племянник, что произошло?

БЕНВОЛИО. Когда я ваших и не ваших слуг

Увидел здесь — они всю дрались.

Я — разнимать, и только вынул меч,

Как вдруг вбегает бешеный Тибальт,

Бросается со шпагою ко мне

И машет ею, воздух рассекая,

А воздух, оставаясь невредимым,

Со свистом издевается над ним.

Едва мы выпадами обменялись,

К нам с бранью подбежали горожане,

Но принц велел очистить поле брани.

ЛЕДИ МОНТЕГЮ. А где Ромео? Рада я, не скрою,

Что в этой драке не был он с тобою.

БЕНВОЛИО. За час пред тем, как солнечное око

Сверкнуло в золотом окне зари,

Я в сторону заката зашагал,

Гонимый безотчетною тревогой,

И за городом, в роще смоковниц,

На вашего Ромео и наткнулся.

Он там бродил ни свет и ни заря,

Но как меня увидел — убежал.

Я, разделяя чувства беглеца, —

А чувствам одиночество на пользу, —

Не в настроенье был, чтоб настроенью

Ромео помешать: мы рады были

Обрадовать друг друга, разойдясь.

МОНТЕГЮ. Ромео что ни утро видят там.

Росою слез он множит слезы рос,

А вздохами — небесное дыханье.

Но только шаловливое светило,

Всходя с востока, стягивать начнет

С Авроры сонной облачный покров,

Мой мрачный сын бросается домой,

Чтоб в комнате своей уединиться,

Зашториться от солнечных лучей

РОМЕО. Слеп Купидон, но бьет наверняка
Стрела неукротимого стрелка. —
Обедать не пора? Что здесь творится!
О потасовке знаю, помолчи. —
Назло любви для злобы здесь простор.
Любовь во злобе! Из любви раздор!
Создание вещи из невестества!
Порожний груз! Пустопорожний труд!
Отборных форм аморфный перебор!
Прозрачный дым, свинцовое перо,
Здоровая хвороба, снег в огне!
Сон наяву, бессонница во сне.
Моя любовь с такой любовью схожа
И с нелюбовью, вероятно, — тоже.
Смеешься ты? Пора бы...

БЕНВОЛИО. Впору плакать.

РОМЕО. Зачем, дружок?

БЕНВОЛИО. Оплакивать друга.

РОМЕО. Увы! Любовь разит исподтишка.

Болея за меня, ты сыплешь соль
На раны мне и умножаешь боль.
Своею и твоей тоской объят,
Я становлюсь тоскливее стократ.
Любовь, как дым, витает в облаках
И, словно вздохи, тает в небесах.
Глаза любви — пылающее пламя,
Бурлящее горячими слезами.
Любовь — мятущаяся безмятежность,
Немирный мир, надежды безнадежность.
Пойду я, брат...

БЕНВОЛИО. И мне пора домой.

Но ты мне не ответил, что с тобой?

РОМЕО. Но я не я, Ромео больше нет,

Он далеко, его простыл и след.

БЕНВОЛИО. Кого ж ты любишь?

РОМЕО. Не могу сказать.

БЕНВОЛИО. Серьезно, брат?

РОМЕО. Могу лишь простонать.

БЕНВОЛИО. Стонать не надо, отвечай всерьез.

РОМЕО. А если несерьезен твой вопрос?

Спроси серьезно у всерьез больного:

«Что ваше завещание — готово?»

Я в девушку влюблен.

БЕНВОЛИО. Невероятно!

Я и не целясь, попадаю в цель.

РОМЕО. Легко попасть в того, кто сел на мель.

Ах, как она прекрасна!

БЕНВОЛИО.

Дело ясно:

Ты взять ее обязан на прицел.

РОМЕО. Совет бесцелен: здесь я не у дел.

Ни мне она не цель, ни Купидону.

Моей Дианы девственное лоно

В доспехах, защищающих ревниво

Ее от детски чистого порыва.

Отрядом слов и взоров осажден,

Вовек не сдастся этот бастион.

И золотом, соблазном для святош,

Ворот ее любви не отопрешь.

Она из тех, кто красотой богат,

И зарывает в землю этот клад.

БЕНВОЛИО. Решила стать весталкою отныне?

РОМЕО. И свой оазис превратит в пустыню.

Сурово соблюдая чистоту,

Она свою уморит красоту.

Разумна красота ее, но, право,

Краса моей разумницы лукава.

Чтоб в рай попасть, она была бы рада

Меня живьем отправить в бездну ада.

Мне от ее зарока свет не мил.

Я умер. Я с тобой не говорил.

БЕНВОЛИО. Вот мой совет: забудь о ней и думать.

РОМЕО. О, научи, как думать позабыть!

БЕНВОЛИО. Переключи внимание свое.

Немало есть красавиц.

РОМЕО.

Это способ

Достоинства любимой подчеркнуть.

Не зря вуаль-счастливица черна:

Лаская лица женщин, позволяет

Мечтать о белолицей красоте.

Утратив зренье, помнит человек,

Какого он сокровища лишился.

Красавицу такую не найдешь,

Перечисляя прелести которой,

Не вспомню я о том, что числю выше

Я красоту прелестницы моей.

Что мне твое ученье о забвенье?

БЕНВОЛИО. Умру я, но продолжу обучение.

(Уходят.)

Сцена вторая

Улица.

Входят КАПУЛЕТТИ, ПАРИС и СЛУГА.

КАПУЛЕТТИ. Мы с Монтегю, два старых человека,
За дело получили нагоняй.

Но как бы эту ссору прекратить?

ПАРИС. Досадно, что не могут в мире жить
Почтенной репутации особы.

Но вы мне ничего не говорите.

КАПУЛЕТТИ. Уже сказал и снова повторю:

Куда ей замуж! Сами посудите:

Девчонке и четырнадцати нет.

Вам надо потерпеть годок-другой,

И дочь созреет, чтобы стать женой.

ПАРИС. Но счастье материнства узнают
И более незрелые девицы.

КАПУЛЕТТИ. Да, но приносит лишнее страданье
Такое слишком раннее познание.

В земле мои надежды, и одна

Моих земель наследница — она,

Джульетта. Поухаживай за ней,

Любви добейся, сердцем завладей.

Мое согласие без ее желанья —

Лишь звук в аккорде бракосочетанья.

А ночью в доме нашем карнавал.

Я множество гостей приглашал;

А дорогих друзей моих — особо.

Прибавьте к ним еще одну особу.

Земных светил блистательные очи

Рассеют сумрак карнавальной ночи.

У нас, сегодня, в обществе девиц,

Среди красивых, юных, свежих лиц

На вас пахнет весною молодою,

Что за хромою гонится зимою.

И та, быть может, суженая ваша,

Кто лучше всех, достойнее и краше.

Здесь будет и Джульетта веселиться,

В ряду девиц обычная девица;

Обычная, которых легион,

А вовсе не одна на миллион.

(СЛУГЕ, подавая ему записку.)

А ты, приятель, обойди Верону
И в этом списке каждую персону
Проси нижайше, всех до одного,
Пожаловать на наше торжество. —
Парис, идемте.

(КАПУЛЕТТИ и ПАРИС *уходят.*)

СЛУГА. «И в этом списке каждую персону!» А что мне в нем?
Может, здесь написано: сиди себе сапожник со своим аршином,
портной — с колодкой, художник — с удочкой, рыбак — с кисточ-
кой, — и не в свое дело не суйся. «Проси нижайше всех до одного!»
А кого просить, ни одного не назвал. Что я ему, читатель, что ли!

(*Входят РОМЕО и БЕНВОЛИО.*)

И вовремя же они подвернулись!
БЕНВОЛИО (*к* РОМЕО). Молчи. Пожар — лекарство от пожара,
От скорби — скорбь и от болезни — боль.
А голова кружится от угара, —
Вскружить ее по-новому позволь.
На новую заразу глянь вполглаза,
И старая отвяжется зараза.

РОМЕО. И подорожник это исцеляет.

БЕНВОЛИО. Что именно?

РОМЕО. Ушибы на ногах.

БЕНВОЛИО. Ромео, ты помешан.

РОМЕО. Вроде нет,

Но под замком сижу и голодаю,
И муки несказанные терплю,
Как будто в самом деле помешался.

СЛУГА. День добрый, сэр.

РОМЕО. День добрый и тебе.

СЛУГА. Милорд, вы не могли бы прочитать...

РОМЕО. Мою судьбу в отчаянье моем?

СЛУГА. Это может всякий, а вот можете ли вы прочесть то,
что только ученому под силу?

РОМЕО. Конечно, если буквы изучал.

СЛУГА. Спасибо, что не отказали. Господь с вами. (*Хочет
уйти.*)

РОМЕО. Постой, дружище, давай прочту, я умею. (*Читает.*)
«Синьор Мартино с супругой и дочерьми. Граф Ансельмо с его пре-
красными сестрами. Вдовствующая госпожа Витрувио. Господин
Плаченцо с его очаровательными племянницами. Меркуцио и его

брат Валентин. Мой дядя Капулетти с супругой и дочерьми. Моя прелестная племянница Розалина. Ливия. Синьор Валенцо и его кузен Тибальт. Люцио и хохотушка Елена».

Отменное собрание. Где их ждут?

СЛУГА. Там, вверх по улице.

РОМЕО. Где это там?

СЛУГА. Там, где наш дом, на ужин ввечеру.

РОМЕО. В чей дом?

СЛУГА. В дом господина моего.

РОМЕО. Мне бы стоило спросить об этом раньше.

СЛУГА. Да я и так скажу вам. Мой хозяин — синьор Капулетти, богач, каких мало, и если вы не Монтегю, просим покорно к нам на стаканчик винца. До скорого свидания. *(Уходит.)*

БЕНВОЛИО. Помимо распрекрасной Розалины,

В которую ты по уши влюблен,

На праздник ежегодный Капулетти

Все здешние красавицы придут.

Пойдем туда. Сравнив их непредвзято,

Я докажу тебе: твоя гагара —

Всего лишь галка, и тебе не пара.

РОМЕО. О, если от иконы отвратится,

Как еретик, мой вероломный взгляд,

То слезы вспыхнут и испепелят

В кощунстве утонувшие зеницы.

Всевидящий не видел небосвод

Со дня творенья таких красот.

БЕНВОЛИО. Все так, но ты, взглядевшись в оба глаза,

Ее красот не взвешивал ни разу.

Хрустальные весы из-под ресниц

Настрой на красоту других девиц.

И как бы Розалина ни сверкала,

Она померкнет в блеске карнавала.

РОМЕО. Пойдем. Но не на выставку синьор,

А ради той, кто мой ласкает взор.

(Уходят.)

Сцена третья

Комната в доме Капулетти.

Входят ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и КОРМИЛИЦА.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Зови Джульетту, няня. Где она?
КОРМИЛИЦА. Клянусь былой невинностью своей,
Утраченной в двенадцать с небольшим, —
Давно звала. Джульетта! Стрекоза!
Голубка, где ты? Детка, отзовись!

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Да здесь я, здесь! Чего тебе?
КОРМИЛИЦА. Не мне,
А матушке.

ДЖУЛЬЕТТА. Мадам, что вам угодно?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Вот дело в чем... Ты, нянюшка, поди.
Я с дочкой посекретничать хочу.
Хотя... останься, ты ведь не чужая:
Мою Джульетту вынянчила ты.

КОРМИЛИЦА. За годом годик, за часочком час.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Но ей же нет четырнадцати лет?

КОРМИЛИЦА. Четырнадцать зубов своих отдам —
Хоть у беззубой нет и четырех, —
Что ей еще четырнадцати нет.
До дня Петрова сколько?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Две недели.

Да к ним еще дней несколько прибавь.

КОРМИЛИЦА. Да нет, тут ни убавить ни прибавить:

Четырнадцать ей будет в день Петров.

Моей Сюзанне было бы не меньше,

Когда б за тяжкие мои грехи

Господь не отнял дочку у меня —

Дай, Боже, ей небесного блаженства!

Так вот, как раз четырнадцать Джульетте

И минет, верьте слову, в день Петров.

Когда землетрясение было? То-то.

Одиннадцать годов тому назад.

В тот самый день — ох, помню как сейчас! —

Я от груди глупышку отучала.

Нашла полыни возле голубятни,

Соски себе натерла и — кормить.

А вы гостили в Мантуе с милордом.
Поди ж ты, помню, даром что стара!
Джульетта хватъ полыни с молоком
Да в рев: уж так ей горько показалось.
Тут голубятня вся и затрясись.
Я мигом ноги в руки и — бежать.
Одиннадцать исполнилось тому.
Она тогда ходить еще училась.
Да что ж я вру! Вовсю уже ходила —
Клянусь распятьем! — бегала вовсю!
Еще, я помню, лоб себе разбила.
А муж-то мой — веселый был такой! —
Мой муж-то — упокой его Господь! —
Малышку поднял да и говорит:
«Не падай вниз лицом. Вот подрастешь,
На спинку падать будешь. Хорошо?»
А деточка — спасением клянусь! —
Вмиг унялась и говорит: «Угу!»
Животики от смеха надорвешь.
И через сотню лет не позабуду.
Он говорит: «На спинку падать будешь?» —
А дурочка «Угу» ему в ответ.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, полно, няня, полно, помолчи.

КОРМИЛИЦА. Да, госпожа. Нет, со смеху помру.

Отерла нос и нате вам: «Угу!»
А шишка-то вскочила — ого-го-го! —
С яичко петушиное, пожалуй!
Об землю лбом, ревет, а муж-покойник:
«Не падай вниз лицом. Вот подрастешь,
На спинку падать будешь. Хорошо?»
А та ему «Угу» и унялась.

ДЖУЛЬЕТТА. А ты уймешься, няня, или нет?

КОРМИЛИЦА. Молчу, молчу. Господь тебя храни!

Вскормила столькох я, но ты была
На зависть всем. Молюсь я об одном:
Дожить бы мне до свадьбы до твоей.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, вот вам и до свадьбы добрались.

Скажи, Джульетта, доченька моя,
Ты думаешь ли замуж выходить?

ДЖУЛЬЕТТА. Такая честь мне и во сне не снилась.

КОРМИЛИЦА. Каков ответ! Нет, я бы так сказала —

Будь матерью тебе я, а не мамкой, —

Что ты свой ум всосала с молоком.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. А думать надо. В возрасте твоём

Уж я была не девушкой, как ты,
А матерью твоею. А в Вероне
Есть леди и моложе, и с детьми.
Короче говоря, твоей руки
И сердца просит доблестный Парис.
КОРМИЛИЦА. Что за красавчик, деточка моя!
Картиночка! Фигурка восковая!
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. В саду веронском лучший из цветов.
КОРМИЛИЦА. Цветочек! Гладиолус! Гиацинт!
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, что молчишь? Тебе он по душе?

Он к нам на пир сегодня приглашен.
Его лицо — раскрытый фолиант,
Начертанный рукою красоты.
Заметь, как гармоничны очертанья
У этого роскошного издания;
Как лист прекрасен титульный его
И авторов известных мастерство.
А что таится в этом сочиненье,
Прочти в его глазах, как в оглавление.
Любовный том, с любовью сверстан он,
Одна беда, что не переплетен.
Но рыба, что пойдет на переплет,
Еще живет, не ведая хлопот.
Не всякая, к тому ж еще, годится
Облечь собой столь дивные страницы.
Но золотая повесть в книге той
Должна сверкать застежкой золотой.
И в том, что ты войдешь в его владенья,
Ни униженья нет, ни умаленья.
КОРМИЛИЦА. Ну, а всего скорее — утолщенье:
Мужчине — радость, женщине — мученье.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. На первый взгляд, не очень-то ты рада
Его любви. Тобою он любим?
ДЖУЛЬЕТТА. Приглянется, так с первого же взгляда
Влюблюсь в него. А впрочем, поглядим.
Но глазки строить вашему Парису
Я буду лишь по вашему капризу.

Входит СЛУГА.

СЛУГА. Госпожа, гости в сборе, столы накрыты, вас зовут, юную леди поминутно спрашивают, кормилицу на кухне бранят почем зря, короче говоря, дым коромыслом. А мне пора прислуживать за столом. Покорнейше прошу вас пожаловать туда.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Парис явился. Дочка, поспешим.
КОРМИЛИЦА. Благих тебе ночей ко дням благим.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Улица.

*Входят РОМЕО, МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, пять-шесть
ЧЕЛОВЕК в масках и СЛУГИ с факелами.*

РОМЕО. Войдем с любезной речью иль, войдя,
Не извинимся даже за вторжение?

БЕНВОЛИО. На что нам это словоизвержение?
Зачем Амура пугалом рядить:
Шарфом ему завязывать глаза,
Татарский лук раскрашенный вручать?
Чтоб женщины в испуге разбежались?
Не будем мы разыгрывать пролог,
Прислушиваясь к шепоту суфлера.
Хозяйский тон нас с тона не собьет,
И танец наш не будет слишком тонным.

РОМЕО. Мне эта интонация — не в тон.
Моей души тональность — тяжкий стон.
Когда ж на сердце тяжесть — не до танцев.
Подай мне факел, буду разгонять
Я мрак небес со стоном или без.

МЕРКУЦИО. Ну, что ты расстонался, мракобес?
Ведь мы же собирались танцевать.

РОМЕО. Ты в легких башмаках идешь, танцуя,
А в танце, как на крыльях, воспаришь.
Но нележки, нелегкая возьми их,
Свинцовые крыла моей души:
Не до паренья мне и не до па.

МЕРКУЦИО. Но ты влюблен. Возьми у Купидона
Его крыла, подпрыгни и пари.
Два-три прыжка — и стон твой испарится.

РОМЕО. Я, кажется, допрыгался уже:
Сбит на лету стрелою Купидона

И намертво к печали пригвожден.
 Я, тяжестью любви обремененный,
 Не в силах прыгнуть выше головы.

МЕРКУЦИО. Чем тяготиться бременем любовным,
 Ты лучше б сам любовь обременил.
 Но не снести ей: чересчур нежна.

РОМЕО. Нежна? Она груба невыносимо,
 Несносна, неотесанна, черства!
 В занозах я от нежности подобной.

МЕРКУЦИО. И ты будь поглубже с грубиянкой,
 Заносчивей с занозистой будь —
 И сбросишь это бремя. Где же маски?
 Давайте маску личную — лицо —
 Маскировать безликою личиной.
 И пусть она сгорает от стыда,
 Когда нас пристыдят хоть в чем-нибудь.

БЕНВОЛИО. Вот дверь. Заходим и без разговоров
 Своим ногам работу задаем.

РОМЕО. Подайте факел. Лишь весельчаки
 Вонзают с легким сердцем каблуки
 В бесчувственный настил из камыша.
 А я, как говорили в старину,
 Светильником побуду до поры:
 Не наигравшись, выйду из игры.

МЕРКУЦИО. Ромео, переигрываешь ты.
 Твоя любовь, прости меня, — болото.
 Ты в нем погряз; тебя мы за ушко
 На солнышко из грязи извлечем —
 И незачем шататься днем с огнем.

РОМЕО. Но мне темно.

МЕРКУЦИО. И впрямь стемнеет скоро
 Средь темного такого разговора.
 Хоть ты умен, но нас тут пять голов:
 В пять раз умней, а корчим дураков.

РОМЕО. Вот почему вам маскарад — отрада,
 А умному не надо маскарада.

МЕРКУЦИО. Но почему?

РОМЕО. Я видел сон.

МЕРКУЦИО. Я тоже.

РОМЕО. Что видел ты?

МЕРКУЦИО. Что верить снам негоже,
 А кто им верит, тот умом ослаб.

РОМЕО. Но сны не лгут.

МЕРКУЦИО. Зато царица Маб...

РОМЕО. Что за царица?

МЕРКУЦИО.

Акушерка фей.

Видал агат в кольце у олдермена?
Царица Маб росточком с камень тот.
Она по лицам спящих разъезжает.
В ее упряжке — бусинки росы,
На них попонки — крылья светляков,
В колесах спицы — лапки паука,
Постромки и подпруги — паутинки,
Хомут — чешуйка лунного луча,
Кнут — волоконце дымки предрассветной,
А кнутовище — косточка сверчка.
На козлах и запятках — мотыльки,
Не больше червячков, что под ногтями
Плодятся у бездельниц молодых.
А сделана карета из ореха
Мастеровыми — белкой и бобром,
Работающим издавна для фей.
Из ночи в ночь царица заезжает
Влюбленным в мозг — и снится им любовь;
Придворным на колено залетит —
Им снится двор коленопреклоненный;
Мздоимцам в горсть — им снятся горсти мзды;
Девицам в губы — снятся губы девам;
Им, чье дыханье сладостями веет,
Прыщами мстит разгневанная Маб;
Прокатится по носу адвоката —
Он гонорар почует и во сне;
Порой щетинкой свинки десятинной
У пастора под носом проведет —
Он спит и видит прибыльный приход;
Порой по горлу воина проскачет —
И тот во сне врагу вонзает в горло
Испанский меч и рушит все кругом,
И пьет пятисаженными ковшами;
А рев трубы пригрезится ему, —
Он вскакивает, молится в испуге
И — снова спать. Еще старуха Маб
Хвосты коней и волосы людей
Сплетает в колтуны, и их нельзя
Расчесывать — накликаешь беду.
Давая спящим девушкам понять,
Чего им ждать в замужестве, она
Их тяжестью неведомой гнетет.
А то еще...

РОМЕО. Меркуцио, молчи!

Все это вздор.

МЕРКУЦИО. Все это — сны твои,

Химеры обленившегося мозга,

Воображенья тощего ростки.

Они бесплотны, словно пустота;

Они непредсказуемы, как ветер:

То к северу он с пылкостью стремится,

То с яростью холодною — на юг.

БЕНВОЛИО. Боюсь я, ветер вашей болтовни

Нам сдует ужин. Надо поспешить.

РОМЕО. Помедлить надо. Чувствую душою, —

Моя судьба на ниточке висит:

Того и жди — сорвется с высоты.

Чудовищное что-то предвещает

Мне этот бал: возмездье за грехи,

Моей постылой жизни угасанье

И мерзкую безвременную смерть.

Но смертник я на паруснике смерти,

А у руля — бессмертный капитан.

Друзья, идемте.

БЕНВОЛИО. Бейте в барабан.

(Уходят.)

Сцена пятая

Зал в доме Капулетти.

Входят МУЗЫКАНТЫ и СЛУГИ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Где же Пат Судомойщик? Хорош помощник, ничего не скажешь! Пора тарелки расставлять, а они еще не мыты!

ВТОРОЙ СЛУГА. Так оно всегда и бывает, когда всем заведует одно лицо, да еще с утра немывтое.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Кресла убрать, буфеты отодвинуть, тарелки пересчитать. И позаботься, дружище, о пирожках с марципаном для меня. И вот что, не в службу, а в дружбу, попроси привратника впустить Сюзанну Котлотерку и Нелли. Пат! Пат Судомойщик!

ТРЕТИЙ СЛУГА. Да здесь я. Чего тебе?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Тебя ищут, тебя зовут, тебя спрашивают, тебя требуют, живо беги вниз.

ТРЕТИЙ СЛУГА. Что мне теперь — разорваться?

ВТОРОЙ СЛУГА. Да беги уж! Веселей, друзья! Кто в живых останется, все тому достанется.

*Входят КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и ДЖУЛЬЕТТА
с ДОМАШНИМИ встретить гостей в масках.*

КАПУЛЕТТИ. Прошу вас, проходите, господа,
И ваших дам на танец приглашайте.
А мы сейчас узнаем, у кого
На ножках есть мозоли. Пусть теперь
Жеманницы откажутся плясать.
Мы скажем так: они из-за мозолей
Стоят у стен, мозоля нам глаза.
Что, я не прав? Входите, господа.
И я по балам хаживал когда-то,
И я красоткам нежности шептал.
Давно все это было, ох, давно.
Играйте, музыканты. Шире круг!

*Входят РОМЕО, МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, БАЛЬТАЗАР
и ДРУГИЕ.*

Вас, кавалеры, дамы заждались.

(Музыка. Гости танцуют.)

Скамьи в сторонку! Света! Больше света!
Камин гасите, жарко без него.
Ну, вот и славно, дети, веселитесь!

(ДЯДЕ КАПУЛЕТТИ.)

А нам бы лучше, дядюшка, присесть.
Свое оттанцевали мы давно.
Когда, бишь, в маскараде были мы
В последний раз?

ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ. Тому назад лет тридцать.

КАПУЛЕТТИ. Да, что ты! Много меньше, много меньше!
Лет двадцать пять, не более, назад,
На Троицу, на свадьбе у Люченцо,
Мы танцевали, дядюшка, с тобой.

ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ. Нет, больше. Сыну этого Люченцо
Уже лет тридцать.

КАПУЛЕТТИ. Что ты, дядя, что ты!

Он год всего как совершеннолетний.

РОМЕО (БАЛЬТАЗАРУ). Кто леди та, что в Креза превращает
Счастливец — кавалера своего, —

Блистая рядом с ним, как бриллиант?

БАЛЬТАЗАР. Понятья не имею, господин.

РОМЕО. Она сияет, факел затмевая,
Для существа земного — неземная;

Так на челе ночного небосклона

Астральная красуется корона;

Лучится так жемчужина на коже

Арапского царя или вельможи.

Среди ворон сиятельных Вероны

Голубка эта — белая ворона.

Закончен танец. Подойду к святыне

Пред алтарем молить о благостыне.

И я любил?! Нет, я, по слепоте,

Неистинной молился красоте.

Когда б не эта ночь, не этот дом,

Клянусь, я не прозрел бы нипочем!

ТИБАЛЬТ. Знакомый голос! Это Монтегю!

Эй, шпагу мне! Осмелился подлец,

Закрыв лицо печальной личиной,

Прийти в наш дом и праздник осмеять?

Но я вступлюсь за честь семьи и рода.

Не грех — прикончить наглого урода.

КАПУЛЕТТИ. Ты что шумишь, племянник? Отчего?

ТИБАЛЬТ. К нам Монтегю проник на торжество.

Над нами здесь глумится негодяй,

А мы терпи все и не замечаю?

КАПУЛЕТТИ. Ромео юный здесь?

ТИБАЛЬТ. Ромео подлый!

КАПУЛЕТТИ. Остынь, дружок. Пускай себе танцует.

Он джентльмен, это видно по всему,

Воспитанный, воздержанный и скромный.

Нет юноши, подобного ему,

Как полагает общество Вероны.

Клянусь я процветанием ее,

Гостей своих в обиду я не дам!

А он мой гость. Засим угомонись.

Велю тебе его не замечать.

И, если чтить меня ты, будь любезен

Немедленно принять любезный вид.

Быть на виду, любезничать с гостями
Нельзя с таким нахмуренным лицом.
ТИБАЛЬТ. Но лебезить пред гостем-подлецом
Я не привык.
КАПУЛЕТТИ. Так привыкай.
ТИБАЛЬТ. Не буду!
КАПУЛЕТТИ. Что-что? Не будешь? Ничего себе!
Не будет он! А кто ты здесь такой?
Хозяин при хозяине живом?
Не будет! Он — спаси и сохрани! —
Резню устроить хочет у меня!
Развоевался здесь! Головорез!
ТИБАЛЬТ. Но это, дядя, просто оскорбленье!
КАПУЛЕТТИ. Цыц, говорю! Мальчишка! Сорванец!
Привычку взял дерзить! — Вы правы, сэр. —
Попробуй мне задраться, хуже будет!
Подумать только, все наперекор! —
Куда вы, господа? — А ты, буян,
Смирись, иначе живо усмирю. —
Эй, свету! — Веселей, друзья мои!
ТИБАЛЬТ. Мой правый гнев и гневный ваш запрет
Меня пронзили разом, как дулет.
Я ухожу. Но как бы этот гость
Не стал вам поперек, как в горле кость.

(Уходит.)

РОМЕО (ДЖУЛЬЕТТЕ). Когда коснуться дерзкими перстами
Руки святой считается грехом,
То грех свой богомольными устами
Я замолю в лобзании святом.
ДЖУЛЬЕТТА. Любезный богомolec, нахожу я
Благим прикосновение перста.
Персты к перстам — святые поцелуи;
Персты — святых паломников уста.
РОМЕО. Но ведь святым без уст, наверно, трудно...
ДЖУЛЬЕТТА. Да, брат святой, — молиться всеблагим...
РОМЕО. Но чтоб, сестра, молить их обоюдно,
В молитве мы уста соединим.
ДЖУЛЬЕТТА. Уста святых застыли, ожидая...
РОМЕО. Святой молитвы, милая святая.

(Целует ее.)

Теперь мои очищены уста.

ДЖУЛЬЕТТА. Зато мои лишились чистоты.
РОМЕО. Верни мне грех — и будешь вновь чиста.
ДЖУЛЬЕТТА. Целуешь по-заученному ты.
КОРМИЛИЦА. Сударыня, вас матушка зовет.

(ДЖУЛЬЕТТА уходит.)

РОМЕО. А кто, простите, матушка ее?
КОРМИЛИЦА. Как это кто? Хозяйка в доме этом,
Достойная и добрая матрона.
Я вынянчила девочку ее,
С которой вы весь вечер говорили.
А кто Джульетту в жены заполучит,
Наличными немало огребет.
РОМЕО. Дочь Капулетти! Вот и приговор:
Я разорен, а недруг — кредитор!
БЕНВОЛИО. Закончилось удачно приключенье.
РОМЕО. Придя к началу моего мученья.
КАПУЛЕТТИ. Нет-нет, не расходитесь, господа.
Отужинать прошу чем Бог послал.
Что? Поздний час, и вам уже пора?
Тогда до скорой встречи. До свиданья.
Спасибо вам. И вас благодарю.
Спокойной ночи. Факелы — к подъезду!
Ну, кто куда, а я пойду прилечь.
И то сказать, давно пора в постель.
Спокойной ночи.

(Все, кроме ДЖУЛЬЕТТЫ и КОРМИЛИЦЫ, уходят.)

ДЖУЛЬЕТТА. Няня, подойди.
Кто этот благородный господин?
КОРМИЛИЦА. Почтенного Тиберио сынок.
ДЖУЛЬЕТТА. А этот, что выходит за порог?
КОРМИЛИЦА. Петруччио, похоже, молодой.
ДЖУЛЬЕТТА. А тот, который следует за ним,
Которому здесь было не до танцев?
КОРМИЛИЦА. Не знаю я.
ДЖУЛЬЕТТА. Ну, так поди узнай.

(КОРМИЛИЦА уходит к гостям.)

И если он кого зовет женою —
Мне брачным станет ложе гробовое.

КОРМИЛИЦА (*вернувшись*). Зовут его Ромео Монтегю,
И он наследник нашего врага.
ДЖУЛЬЕТТА. Любовью стала ненависть былая,
Сама собой в любовь перетекая.
Его я слишком рано повстречала,
Кто он такой, не ведая сначала.
Поверить не могу себе никак,
Что страсть во мне зажег мой злейший враг.
КОРМИЛИЦА. Что ты сказала?
ДЖУЛЬЕТТА. Вспомнила стихок,
Что мне партнер по танцу прочитал.

(Голос леди Капулетти за сценой: «Джульетта!»)

КОРМИЛИЦА. Уже идем! Джульетта, спать пора.
Разъехались все гости со двора.

(Уходят.)

ПРОЛОГ

Входит ХОР.

ХОР. Одна любовь погибла. Ей другая
Наследует, наивна и чиста.
И, красоту чужую побеждая,
Джульетты расцветает красота.
Ромео очарован: он впервые
Любим и сам влюбляется опять.
Но, как с крючка приманку, роковые
Услады им приходится срывать.
Не совладав с фамильною напастью,
Не может он с признаньем подойти
К любимой. И она, пылая страстью,
Найти не в силах к милому пути.
Но чувство их и жажда сладкой муки
Прервут часы мучительной разлуки.

(Уходит.)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

У стены сада Капулетти.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Идти домой? Но если сердце здесь,
Куда я без него? Ну что ж, ищи
Ядро свое, пустая оболочка!

(Перелезает через стену сада.)

Входят БЕНВОЛИО и МЕРКУЦИО.

БЕНВОЛИО. Ромео, ты куда? Кузен, вернись!

МЕРКУЦИО. Ромео твой нас, кажется, провел:

Он дома и уже, наверно, спит.

БЕНВОЛИО. Он был здесь, говорю: мелькнул, как призрак,

И через стену в сад перемахнул.

Покличь его, Меркуцио.

МЕРКУЦИО.

Я лучше

Прибегну к заклинаниям. Ромео!

Помешанный на страсти и любви!

Прелестник наш! Мы многого не просим:

Взамен себя пришли свое «увы»

Или двустийше с рифмой «кровь» — «любовь».

Словцо Венере-своднице шепни,

Посмейся над наследником ее,

Амуром, юным, как Мафусаил;

Над тем, как сослепу ее сынок

Стрелою меткой пробудил любовь

К бродяжке в короле Кофетуа.

А он молчит. Притих и затаился.

Лемур издох, но нужно воскресить.

Ромео, вспомни глазки Розалины,

Припухлость щек и свежесть алых губ,

И стройность ног, и бедер колыханье,

И прочее, что есть там у нее, —

И воскресай скорее в прежнем виде.

БЕНВОЛИО. Обидеться он может, если слышит.

МЕРКУЦИО. Здесь нет обиды. Было бы обидно,

Когда б к орбите госпожи его

Я тело инородное привлек,
И с ним соединилась бы она.
А я пытаюсь чинно, благородно —
Хотя бы светлым именем ее —
Привлечь Ромео. В чем же тут обида?
БЕНВОЛИО. Пойдем домой. Он прячется в саду,
Любовной влагой ночи упиваясь.
Влюбленный слеп, и тьма ему под стать.
МЕРКУЦИО. Но меткости в стрельбе не занимать
Слепой любви. Сидит сейчас Ромео
Под персиковым деревом, мечтает
Любимую, как персик, разломить;
И чтоб ее пленительные губки
С улыбкою раскрылись перед ним.
Так пусть же станет персиком она,
А наш Ромео — косточкою в нем!
Ромео, мы ушли! Пора в постель.
В твоей палатке спать холодновато. —
Идем?
БЕНВОЛИО. Идем. Не выявить того,
Кому явиться — явно не с руки.

(Уходят.)

Сцена вторая

Сад Капулетти.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Смеются над больным здоровяки.

(ДЖУЛЬЕТТА выходит на балкон.)

Но что это? Зажегся свет... Джульетта!
Взойди, о солнце светлое мое!
И ты убьешь завистницу-луну,
Больную бледной немочью от горя,
Что ты ее прекрасней во сто крат.
И ты ей служишь? Бедная весталка!

Смени свой лунный шутовской наряд.
Любовь моя! Владычица! Богиня!
Ах, вот бы ей поведать, кто она!
Сказала что-то? Ничего не слышно.
Зато ее глаза красноречивы,
И молча с ними говорят мои.
Глупец! Ее слова не для меня:
Две звездочки, сгорая от любви,
Сойти желают с неба на часок
И просьбою сменить их докучают
Ее глазам. Но если заискрятся,
Глаза ее на куполе воздушном,
Прольется столько света с высоты,
Что птицы, словно утром, запоют.
А звезды, заменив ее зрачки,
Померкнут от сияния щeki.
Так утром затмевается свеча
Слепящим блеском первого луча.
Ладонями она коснулась щек.
Когда б я стать ее перчаткой мог!

ДЖУЛЬЕТТА. О горе мне!

РОМЕО.

Она заговорила.

О говори же! Голову мою
Ты осеняешь, ночи ореол!
Небесный вестник, светлый херувим,
Парящий среди сонных облаков, —
Мы, смертные, не отрывая глаз,
Взираем на тебя, пловец воздушный,
Твоим полетом заворожены!

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео, почему ты Монтегю?

Забудь отца и родовое имя
Или женись немедленно на Джульетте,
Чтобы не быть ей больше Капулетти.

РОМЕО. Не знаю — слушать или отвечать?

ДЖУЛЬЕТТА. Мне только имя недруг — Монтегю.

Но ты же не оно, ты — это ты.
Что вообще такое — Монтегю?
Что это — ноги, руки, голова,
Все остальное? Нет! При чем здесь имя?
Ведь если розу назовут не розой,
Она благоухать не прекратит.
Ромео, будь он переименован
Иль совершенно имени лишен,
Останется Ромео совершенным, —

Таким, каков он есть по существу.
 Ромео, имя собственное брось
 И всю меня возьми себе за это!

РОМЕО. Попалась ты! Я больше не Ромео!
 Зови меня возлюбленным своим,
 И я в другую веру перейду.

ДЖУЛЬЕТТА. Кто мысли сокровенные мои,
 За ширмой ночи прячась, подстерег?

РОМЕО. Боюсь назваться, чтоб не оскорбить
 Моей святыни именем своим.
 Его я ненавижу, а случись
 Мне подписаться им, — порву письмо.

ДЖУЛЬЕТТА. Хотя я смысла слов не уловила,
 Зато узнала голос. Ты Ромео?
 Ты Монтегю?

РОМЕО. Ни тот я, ни другой,
 Когда тебе мы оба ненавистны.

ДЖУЛЬЕТТА. Зачем ты здесь? И как сюда проник?
 Сад неприступен, стены высоки.
 Тебя убьют на месте, если ты
 Кому-нибудь из наших попадешься.

РОМЕО. Любовь крылата, что ей стены сада
 И каменный забор! Любовь смела,
 На все она с отчаянья способна.
 И мне твои родные не страшны.

ДЖУЛЬЕТТА. Но ты рискуешь жизнью. Берегись.

РОМЕО. Твой взгляд суровый стал бы для меня
 Страшнее ста мечей. А взглянешь нежно —
 И я в броне, и что мне сто мечей!

ДЖУЛЬЕТТА. Будь все же начеку.

РОМЕО. На мне плащ ночи.
 Но если ты меня совсем нелюбишь,
 Откроюсь я сородичам твоим.
 Мне лучше жизнь утратить в одночасье,
 Чем, умирая от любви к тебе,
 Обречь себя на медленную смерть.

ДЖУЛЬЕТТА. Но кто тебя провел ко мне?

РОМЕО. Любовь!

Она была моим проводником
 И научила видеть в темноте.
 А если бы ты за морем жила,
 Я бы сумел, хоть я и не пират,
 Добыть тебя, сокровище мое.

ДЖУЛЬЕТТА. Вуаль ночная на моем лице,

Не то б ты видел, как оно горит
 От мысли, что подслушал посторонний
 Девическую исповедь мою.
 От слов своих теперь я отрекаюсь.
 Да, отрекаюсь! Отрекаюсь, да!
 Но что теперь достоинство хранить!
 Меня ты любишь? Знаю, знаю, любишь.
 Тебе я верю. Только не клянись,
 А то еще обманешь. Сам Юпитер
 Смеется над неверностью влюбленных.
 Ромео милый, ты влюбился, правда?
 Что ж ты молчишь? А если ты считаешь,
 Что крепость пала, штурма не дождавшись,
 Я рассержусь, возьму слова обратно,
 И ты за мной побегаешь тогда.
 Скажи мне честно, милый Монтегю,
 Ты думаешь, что если я нежна,
 То отличаюсь легким поведением?
 Как доказать тебе, что я стыдливей
 Притворщиц, позабывших всякий стыд!
 Я бы, конечно, тоже притворилась,
 Но не остереглась, и ты услышал
 Мои слова. Прости за откровенность
 И не считай уступчивой меня
 За эту страсть, раскрывшуюся ночью.
 РОМЕО. Клянусь луной, осыпавшей листву
 Своим благословенным серебром...
 ДЖУЛЬЕТТА. Нельзя луною. Раз она меняет
 Свой облик постоянно, то изменит
 Твою любовь своим непостоянством.
 РОМЕО. Но чем мне клясться?
 ДЖУЛЬЕТТА. Или же ничем,
 Или своей прекрасною особой.
 Я так боготворю тебя, что сразу
 Поверю в эту клятву.
 РОМЕО. Если сердце...
 ДЖУЛЬЕТТА. Постой! Хотя мне с тобою хорошо,
 Но что хорошего в ночной помолвке?
 Какая опрометчивость и спешка!
 Любовь у нас на молнию похожа,
 Которую, приметив, не успеешь
 И молнией назвать, — сейчас погаснет.
 Спокойной ночи, милый. Подождем,
 Чтобы для нас в оранжеее лета

Расцвел бутон любви. Спокойной ночи.
В моей душе такая благодать,
Что и твою должна переполнять.

РОМЕО. Но ты должна со мною расплатиться!

ДЖУЛЬЕТТА. Ну, надо же! И я еще должница!

РОМЕО. Тебе я клятву дал, а ты мне нет.

ДЖУЛЬЕТТА. Да, но твоя дана моей вослед.

А надо мне свою обратно взять.

РОМЕО. Зачем?!

ДЖУЛЬЕТТА. Чтобы отдать тебе опять

И показать, насколько я щедра.

Хотя я не владелица добра,

Которым так внезапно овладела.

Любви моей, как морю, нет предела.

Исчерпана не может быть она,

Тебе до капли мною отдана.

(Голос кормилицы за сценой: «Джульетта!»)

Пора мне. — Няня, слышу! — В добрый путь,

Любимый! И не вздумай обмануть.

Нет, подожди минуту. Я сейчас.

(Уходит.)

РОМЕО. О ночь! Благословенная! Святая!

Но если ночь, то я, наверно, сплю?

Не может явь пленять, как этот сон.

ДЖУЛЬЕТТА возвращается на балкон.

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео, на прощанье пару слов.

Когда твои намеренья чисты

И свадьба их венчает, завтра утром

Кого-нибудь к тебе я подошлю

Узнать о нашем бракосочетанье.

К твоим ногам кладу мои надежды

И за тобой пойду, мой господин,

На край земли!

КОРМИЛИЦА *(за сценой)*. Джульетта!

ДЖУЛЬЕТТА.

Я сейчас! —

Но если ты недоброе задумал,

То я прошу...

КОРМИЛИЦА *(за сценой)*. Джульетта!

ДЖУЛЬЕТТА. Я иду! —
Коль что не так, забудь о сватовстве
И о моих слезах. До завтра, милый.
РОМЕО. Своей души спасением клянусь...
ДЖУЛЬЕТТА. Прощай сто раз!

(Уходит.)

РОМЕО. Сто раз она сама,
Со мной простясь, сведет меня с ума!
К любимой мы — как школьники от книг,
А от нее — как в школу ученик.

(Намеревается уйти.)

ДЖУЛЬЕТТА возвращается на балкон.

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео, где ты! Жалко, что сейчас
Не время для охоты соколиной,
А то бы этот сокол был моим.
Неволе впору шепот, а не крик.
А крикни я, пещера Эхо рухнет,
Сама же нимфа нежная осипнет,
Шепча, как я теперь. Ты где, Ромео?

РОМЕО. Меня зовет к себе моя душа,
Чей голос — колокольчик серебристый —
Ласкает слух мой музыкою сфер.

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео!

РОМЕО. Что?

ДЖУЛЬЕТТА. Во сколько завтра будешь
Ждать вести?

РОМЕО. В девять.

ДЖУЛЬЕТТА. Только б не проспать!
А ждать до завтра чуть не двадцать лет!
Зачем же я звала тебя? Забыла...

РОМЕО. Останусь я, пока ты не припомнишь.

ДЖУЛЬЕТТА. Чтоб ты остался, все перезабуду,
Пока не вспомню, что тебе пора.

РОМЕО. Пока припомнишь, не уйду отсюда,
Чтоб ты со мной забылась до утра.

ДЖУЛЬЕТТА. Смотри, светает. Надо расставаться.
Жаль, ты не птица, пленница моя.
Взлетал бы ты с руки моей не дальше,
Чем позволяет шелковый шнурок.

Ты был бы скован нитями любви,
Ревнующей тебя к твоей свободе.

РОМЕО. Как жаль, что я не птица!

ДЖУЛЬЕТТА. В самом деле!

Я насмерть бы тебя зацеловала.

Ромео, доброй ночи!

РОМЕО. Доброй ночи!

ДЖУЛЬЕТТА. В словах прощанья — сладостное зло.

Прощалась бы, пока не рассвело.

(Уходит.)

РОМЕО. Покой твоей груди и сон — глазам.

Зачем не сон и не покой я сам!

Пора идти, чтобы скорее вник

В дела любви и счастья духовник.

(Уходит.)

Сцена третья

Келья брата Лоренцо.

Входит БРАТ ЛОРЕНЦО с корзиной.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Серчает ночь на сероглазый день,

Разливший в поднебесье светотень.

Ночной туман, покачиваясь пьяно,

Ползет под колесницу Титана.

Пока трава в росе, пока вполсилы

Сверкают очи летнего светила,

Пойду, корзинку прихватив с собою,

За вредной и полезною травой.

Всему дарует жизнь земли утроба,

Хоронит все и вновь родит для гроба.

Дитя земли, каким оно ни будь,

К ее сосцам торопится прильнуть.

И каждому из нас хотя б одно

Достоинство у ней припасено.

Какой могучий благодати росток

Заложен в камень, в колос, в лепесток!
Одно дитя уродливо, другое
Природною сверкает красотою.
Но есть и в злом хорошего частица,
И доброе с пути свернуть стремится.
Порою благодать идет не впрок,
Зато преображается порок.
Кто б угадал по этим лепесткам,
Что есть в них и отравы, и бальзам?
Что сок цветка приводит к малокровью,
А запах — благоденствует здоровью?
И в нас, как и в растениях, рвутся в бой
Две мощных воли — злоба с добротой.
И если в нас гнездится не добро,
Нам черви ада выедят нутро.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Отец, благословите!

БРАТ ЛОРЕНЦО.

Ах как мило!

И где тебя в такую рань носило?
Похоже, спятил ты во цвете лет.
Ты слишком юн, чтобы вставать чуть свет.
Состаришься, — бессонная тревога
Разляжется у твоего порога.
Но свежесть и беспечность не попасть
Не могут золотому сну во власть.
Уж если до зари ты встал с постели,
Не заболел ли ты на самом деле?
Хотя постой, Ромео. Я не прочь
Предположить, что ты не спал всю ночь.

РОМЕО. Да, у меня была не спать причина.

БРАТ ЛОРЕНЦО. И звать ее — о Боже! — Розалина?

РОМЕО. Я знать не знаю, кто она такая,

И даже имя не припоминаю.

БРАТ ЛОРЕНЦО. И славно. Но теперь-то ты откуда?

РОМЕО. Отец мой, я от вас скрывать не буду,

Как встретил я, попав на торжество,

Врага и принял вызов от него.

Мы ранены и жаждем исцеленья

От вашего, отец, благословенья.

Врага простил я, более того,

Как вы велите, возлюбил его.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ты жаждешь отпущения грехов,

А к исповеди ясной не готов.

Попроще говори, без суесловья.

РОМЕО. Куда уж проще! Я горю любовью
К прекрасной дочке сэра Капулетти.
Мы оба с ней попали в те же сети.
Все так сплелось — не расплести никак.
Спасение одно — священный брак.
Все расскажу: про наше с ней свиданье,
Любовь и обоюдные признанья, —
Но умоляю: сочетайте нас,
Отец святой, сегодня же. Сейчас.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Святой Франциск! Какие чудеса!
А Розалина? А ее краса?
Забыты? Но с юнцами так всегда:
Глаза — огонь, а сердце из льда.
О Богоматерь! Ты тонул в слезах,
С ума сходил, едва ли не зачах.
Приправил ты любовь морями соли,
А получил оскомину, не боле.
Ты так вздыхал, что пряталось светило.
Ты так стenal, что уши мне ломило.
Так слезы проливал, что их ручьи
Все щеки поизрезали твои.
Не ты ли это был, скажи на милость?
Но разве Розалина изменилась?
Увы, когда нет чести у мужчин,
То верности не жди от розалин!

РОМЕО. За ту любовь от вас мне попадало.

БРАТ ЛОРЕНЦО. За то, что делал глупостей немало.

РОМЕО. Велели вы убить любовь.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Еще бы!

Но не другую извлекать из гроба!

РОМЕО. Теперь на страсть мне отвечает страсть.

Совсем не то, что прежняя напасть.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Той не сумел ты отвести глаза,

Так как, в любви не смысла ни аза,

Произносил чужие монологи.

Но, ветреник, мне с вами по дороге:

Враждующие семьи ваш союз.

Направить может в лоно братских уз

РОМЕО. Нельзя ли поскорей? Нам невтерпеж.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ускоришь бег — скорее упадешь.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Улица.

Входят БЕНВОЛИО и МЕРКУЦИО.

МЕРКУЦИО. Куда к чертям Ромео провалился?

Похоже, дома он не ночевал.

БЕНВОЛИО. Слуга сказал, что нет.

МЕРКУЦИО. А все любовь!

От этой бледной злочки Розалины,

Ромео наш, того гляди, свихнется.

БЕНВОЛИО. Слугу с письмом прислал к нему Тибальт,

Племянник Капулетти-старика.

МЕРКУЦИО. Могу поклясться жизнью, это вызов.

БЕНВОЛИО. Ромео на него ответить сможет.

МЕРКУЦИО. Писать он может, стало быть, ответит.

БЕНВОЛИО. Нет, он отзовется на вызов, и это будет достойный ответ.

МЕРКУЦИО. Несчастный Ромео! Его ходячий труп исколот темными глазами бледной немочи. Уши просверлены романсами. Сердцевина сердца, словно мишень, утыкана стрелами маленького слепца. И такому, как Ромео, драться с самим Тибальтом?

БЕНВОЛИО. По-твоему, Тибальт настолько опасен?

МЕРКУЦИО. Поопаснее своего тезки, кошачьего короля, это я тебе говорю. По части дуэльного кодекса Тибальту равных нет. Он владеет шпагой, как дирижер палочкой. Все за него: глазомер, ловкость, чувство ритма. А как он держит паузу! Один такт, другой, а третий пронзает тебя насквозь. И попасть-то, злодей, норовит в самую пуговицу. Словом, дуэлянт, каких мало. Джентльмен высшего сорта. Такой дерется даже без всякого повода. Тем более, когда повод есть. Ох, уж эти его бессмертные *passado*, *punto reverso* и прочие *hai!*

БЕНВОЛИО. Что это такое?

МЕРКУЦИО. Чертова абракадабра! Спасу нет от этих современных фигляров с их ужимками, пришепетыванием и притворством! А как они стрекочут — уши вянут! То и дело: «Бог ты мой, какая ловкая шпага! какая силища! какая талия!» И никуда не деться, мой друг почтенный, от этих зарубежных мух, от этих ряженных кривляк, начиненных всякими там *pardonnez-mois* или *bon, bon*. Эти модники безо всякой нужды заучили столько новых обычаев, что разучились непринужденно сидеть на обычной скамье.

Входит РОМЕО.

БЕНВОЛИО. Вот и Ромео.

МЕРКУЦИО. Его не слишком много: худющий, как минога. О, человеческая плоть! Каким образом ты перевоплотилась в нечеловеческую? Похоже, он истекает стихами, как Петрарка, преуспевший в воспевании своей Лауры. Между прочим, ей в этом смысле крупно повезло, ведь по сравнению с леди Ромео, Лаура — просто лахудра. А уж о дикарке Дидоне, кликуше Клеопатре, ехидне Елене, гетере Геро и говорить нечего. Сероглазая Фисба еще так-сяк, да и та ни к черту не годится. — Синьор Ромео! Позвольте поприветствовать ваши французские панталоны по-французски. Bonjour! Ловко же вы нас ночью облапошили!

РОМЕО. Здравствуйте. Каким это образом мы вас облапошили?

МЕРКУЦИО. Самым пошлым и безобразным. Это непростительно.

РОМЕО. Прошу прощения, Меркуцио, я был отозван по срочному делу. В моем положении простительно было уйти, не простившись.

МЕРКУЦИО. То есть уйти, не простив себя? Но за что?

РОМЕО. За то, что, уходя, не простирался ни перед кем во прахе.

МЕРКУЦИО. Каков ответ, прах его побери!

РОМЕО. Твоя вежливость, Меркуцио, вся пошла прахом.

МЕРКУЦИО. Нет, она пустила в нем корни, как цветок.

РОМЕО. Если так, то он довольно пыльный.

МЕРКУЦИО. Зато красивый.

РОМЕО. Как цветы на пряжках моих сапог.

МЕРКУЦИО. Ну, ты сказанул! Как гвоздь в подошву забил. Так у нас острят одни сапожники. Того и гляди, ты забьешь меня гвоздями своих острот. Если, конечно, не продырявишь ими своих подошв.

РОМЕО. А ты истопчешь свои, если будешь так долго топтаться на одном месте.

МЕРКУЦИО. Выручай, Бенволио! Он меня совсем затоптал.

РОМЕО. Такого гуся затопчешь. Гони его, Бенволио!

МЕРКУЦИО. Если тебе взбрело на ум гоняться за гусем, то я пас. У тебя хватит ума загнать целую стаю, с моим же и одного не догнать. По-твоему, я похож на гуся?

РОМЕО. Никем иным, как гусем, ты, по-моему, никогда и не был.

МЕРКУЦИО. Смотри, как бы я снова тебя не ущипнул.

РОМЕО. Щиплись на здоровье: от твоего клюва легко увернуться.

МЕРКУЦИО. Зато твои остроуты всегда попадают в яблочко.

РОМЕО. Разве тебе не по вкусу гусь с яблоками?

МЕРКУЦИО. Как ловко ты тянешь резину своего остроумия!

РОМЕО. Если бы я изловчился начинить ею тебя, то такого резинового гуся можно было растянуть на весь мир.

МЕРКУЦИО. Разве эта перепалка не лучше любовного плача? Ты снова человек. Ты Ромео. Ты снова не только есть, но и есть то, что ты есть и каким ты был отродясь. А то распускал слюни со своей любовью, точно шут гороховый, который сперва снует туда-сюда, высунув язык, а потом сует свою палку куда ни попадя.

БЕНВОЛИО. Хватит, прекрати!

МЕРКУЦИО. Хватит гладить его против шерстки?

БЕНВОЛИО. Прекрати распускать хвост.

МЕРКУЦИО. Ты опоздал. Я уже сложил его и не собираюсь показывать вторично: мне это противопоказано.

(Входят КОРМИЛИЦА и ПЕТР.)

РОМЕО. Вы только посмотрите!

МЕРКУЦИО. Парус, парус!

БЕНВОЛИО. Даже два: парус мужского рода и парусина женского.

КОРМИЛИЦА. Петр!

ПЕТР. К вашим услугам.

КОРМИЛИЦА. Подай мне веер.

МЕРКУЦИО. Закрой ей веером лицо, Петр: будет на что смотреть.

КОРМИЛИЦА. Здравствуйте, джентльмены!

МЕРКУЦИО. До свидания, прекрасная незнакомка!

КОРМИЛИЦА. Как так? Мы же еще не успели поздороваться.

МЕРКУЦИО. А уже пора прощаться, тем более с вами. Не ровен час похабная рука времени вскрыет вас самым непристойным образом.

КОРМИЛИЦА. Типун вам на язык! Кто вы такой?

РОМЕО. Один из тех, любезная госпожа, кто по воле Божьей сотворен себе на зло.

КОРМИЛИЦА. Как вы говорите: «Сотворен себе назло»? Ах, как умно! Но ближе к делу, джентльмены. Мне нужен юный Ромео. Кто-нибудь из вас знает его?

РОМЕО. Я знаю. Но когда юного Ромео узнаете вы, он окажется менее юным, чем теперь, когда вы его еще не знаете. Из всех возможных Ромео я самый юный и, может статься, самый худший.

КОРМИЛИЦА. Лучше не скажешь!

МЕРКУЦИО. Лучше о наихудшем? Очень мудро, честное слово!

КОРМИЛИЦА. Если вы Ромео, мне надо вам кое-что сказать по секрету.

БЕНВОЛИО. Ручаюсь, она сведет его на секретный ужин.

МЕРКУЦИО. Точно, это сводня! Сводня, сводня! Ату ее!

РОМЕО. На кого ты охотишься?

МЕРКУЦИО. Не на зайца, сэр. Хотя если это и заяц, то от него не осталось ни кожи, ни рожи: в самый раз для постного пирога. *(Поет.)*

Плох из зайца навар,

Если тот очень стар.

В пост, однако, сгодятся и кости.

Если ж заячий труп

Высох так, что и в суп

Не годится, — такого хоть бросьте.

Ромео, ты идешь? Сегодня мы обедаем у твоих.

РОМЕО. Идите. Я догоню.

МЕРКУЦИО. Прощайте, старозаветная леди! *(Поет.)*

Прощайте, леди-ди!

Навеки, леди-ди!

КОРМИЛИЦА. Проваливайте, чтоб вам пусто было!

(МЕРКУЦИО и БЕНВОЛИО уходят.)

Подумать только, каков наглец! Кто этот проходимец, сэр, скажите мне на милость? По нем же веревка плачет!

РОМЕО. Джентльмен, привыкший слушать самого себя. Он не закрывает рта ни на минуту, а сам не дает никому и рта раскрыть.

КОРМИЛИЦА. Хотела бы я посмотреть, как он заткнет мне рот своими речами. Уж я бы дала ему чертей! Тоже мне смельчак выискался! Мне и двадцать таких нипочем. Я на них быстро управу найду! Грязный подонок! Ты со своими девками язык распускай! Или с друзьями, такими же головорезами! *(Поворачивается к Петру.)* Ну, а ты для чего здесь? Чтобы позволять первому встречному мерзавцу честить меня?

ПЕТР. Я здесь не встретил мерзавца, который рискнул бы вас обесчестить. Не то бы я живо схватился за шпагу. Я дерусь не хуже прочих и, если закон за меня, ввязываюсь в каждую потасовку.

КОРМИЛИЦА. Господи помилуй! Я до сих пор вне себя. Меня всю прямо так и трясет. Грязный подонок! Ну, да ладно. Прощу вас, сэр, на два слова. Не помню, говорила ли я вам, что моя молодая хозяйка послала меня по вашу душу? И кое-что велела передать. Впрочем, с этим можно погодить. Сперва я сама скажу. Если вы намерены, как говорится, свести ее в страну дураков, это будет, простите за выражение, такое свинство! Постыдились

бы: ведь она еще совсем девочка. Неужто у вас что дурное на уме насчет нее? Право же, с честными девушками так не поступают. Это гадко, это отвратительно, это...

РОМЕО. Постой же. Поклонись от меня своей госпоже и хозяйке. Уверю тебя, у меня и в мыслях...

КОРМИЛИЦА. Ах, вы мой золотой! Конечно, поклонюсь! Господи Боже, вот будет для нее радость-то!

РОМЕО. Что ты передашь, кроме поклона? Ты же меня не дослушала.

КОРМИЛИЦА. Ваше уверение, сэр, которое у вас в мыслях, и передам. По всему видать, намерения у вас честные.

РОМЕО. Скажи ей, чтобы случай улучила

Сегодня же прийти к отцу Лоренцо.

Он исповедь соединит с венчаньем

И нашу страсть навеки освятит.

Возьми за труд.

КОРМИЛИЦА. Ни пенни не возьму!

РОМЕО. Бери, сказал. Не спорить же с тобой.

КОРМИЛИЦА. Сегодня же? Придет, не сомневайтесь.

РОМЕО. А ты иди к воротам монастырским

И жди там человека моего

С веревочною лестницей для нас.

Я нынче ночью с помощью нее

Поставлю парус нашего блаженства.

Теперь ступай и никому ни слова.

Я щедро отплачу тебе за все.

Прощай и передай поклон хозяйке.

КОРМИЛИЦА. Благослови вас Бог! Однако, сэр...

РОМЕО. Я слушаю.

КОРМИЛИЦА. Ваш человек надежен?

Мы заодно, и наше дело — тайна.

А третий проболтается случайно.

РОМЕО. Он крепче стали и не подведет.

КОРМИЛИЦА. Сэр, сэр, вы не знаете моей госпожи! Ах, ты моя сладенькая! Господи, Господи! Когда она была совсем малюткой... Да, чуть не забыла, — знаете ли вы некоего Париса? Он тоже готов ввязаться в спор из-за нее. Но для нее, для душеньки моей, он все равно что гадкая жаба и даже хуже. Я как-то шуточки ради говорю ей: дескать, она с Парисом — прекрасная пара. Так видели бы вы ее лицо! ни кровиночки, белее самого белого полотна! И вот еще что: разве «розмарин» и «Ромео» с одной буквы начинаются?

РОМЕО. Ну да. С буквы «р». А в чем дело?

КОРМИЛИЦА. Полно смеяться-то! Так только собаки рычат. А вы и розмарин, уж я-то знаю, начинаетесь на «ро». Слышали бы

вы, как нежно она щебечет, почем зря упоминая вас и розмарин!
Вы бы заслушались.

РОМЕО. Поклон хозяйке.

КОРМИЛИЦА. Тысяча поклонов.

(РОМЕО уходит.)

Петр!

ПЕТР. К вашим услугам.

КОРМИЛИЦА. Забери у меня веер и ступай вперед.

(Уходят.)

Сцена пятая

Сад Капулетти.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Во сколько няня вышла? Ровно в девять.

Сказала, обернется в полчаса.

Не мог же он исчезнуть. Ну, конечно!

Не ей, старухе, быть гонцом любви.

Для этого годятся лишь мечты.

Найдут они любимого быстрее,

Чем солнца луч ночную тень пронзит.

Любовь летит на крыльях голубиных,

И окрылен ветрами Купидон.

Однако три часа уже прошло,

Взошло на холм полуденный светило,

А няни и не видно. У нее

Застыла кровь и чувства охладели,

Не то б она скакала, словно мяч,

А я и мой возлюбленный друг другу

Записки перебрасывали с ним.

Но старики покойников мертвей,

Железа тверже, камня холодней.

Входят КОРМИЛИЦА и ПЕТР.

О Господи! Пришла, пришла, пришла!

Ах, нянюшка! Ты говорила с ним? —
Пусть он уйдет.
КОРМИЛИЦА (ПЕТРУ). Жди около ворот.

(ПЕТР уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА. Ну, нянюшка... Да ты никак сердита!
Засмейся лучше, если весть мрачна;
А если нет, не стыдно ли тебе
Мелодию прекрасных новостей
С такою кислой миной исполнять?

КОРМИЛИЦА. Дай мне вздохнуть. Устала, мочи нет.
Все кости ноют. Славно прогулялась!

ДЖУЛЬЕТТА. Весь свой скелет отдам тебе за весть!
Ну, няня, я прошу; скорее, няня!

КОРМИЛИЦА. О Боже, что за спешка-то такая!
Ты видишь, отдышаться не могу?

ДЖУЛЬЕТТА. Нет, можешь, если выдохнула ты
Слова, что ты не можешь отдышаться!
Куда длиннее эти отговорки
Того, о чем ты медлишь говоришь.
Все хорошо? Все плохо? Отвечай же!
Да или нет? Подробности потом!
Нет или да? Ты скажешь наконец?

КОРМИЛИЦА. Нашла же ты, кого выбрать. Где у тебя глаза-то
были? Ромео! Хорош, нечего сказать! Лицом он, правда, вышел,
спору нет, и ноги ничего себе, и руки. И остальное, о чем обычно
помалкивают, дай Бог всякому. Учтивостью он, к сожалению,
не блещет, зато ручной, как ягненок. Одним словом, радуйся,
девушка, и благодари Бога. Что, наши уже обедали?

ДЖУЛЬЕТТА. Не знаю... Но зачем мне это все?
Он говорил о свадьбе? Говорил?

КОРМИЛИЦА. А голова-то, голова трещит!
Расколется на части, не иначе!
А спину-то, а спину разломило!
Меня ты порученьями уморишь.
Мое ли дело бегать взад-вперед?

ДЖУЛЬЕТТА. Ах, нянюшка, прости меня за все.
Но милая, родная, золотая,
Что говорит любимый?

КОРМИЛИЦА. Твой любимый... Как настоящий джентльмен,
благородный, воспитанный, обстоятельный и, судя по всему, не-
испорченный, он сказал... Где ваша мать?

ДЖУЛЬЕТТА. Где мать моя? Где ж быть ей, как не дома?

Ты что наговорила? «Твой любимый,
Как настоящий джентльмен, благородный,
Воспитанный, сказал: «Где ваша мать?»»
КОРМИЛИЦА. Помилуй Бог! Ты словно в лихорадке!
Такого ли компресса дожидались
Мои больные кости? Ну и ну!
Вперед сама работай почтальоном!
ДЖУЛЬЕТТА. При чем тут кости? Что сказал Ромео?
КОРМИЛИЦА. Пойдешь ли ты на исповедь сегодня?
ДЖУЛЬЕТТА. Пойду.
КОРМИЛИЦА. И у отца Лоренцо в келье
Тебя жених твой сделает женой.
А покраснела-то, а покраснела!
Одно словцо — и кровь уже кипит!
Поторопись. И я не без работы:
За лестницей пойду. Любимый твой
Взлетит по ней сегодня, чтобы ночью
С моей голубкой вить себе гнездо.
Я для тебя тружусь все дни подряд,
А ночью и тебя обременят.
Я есть хочу. Ступай...
ДЖУЛЬЕТТА. Навстречу счастью!
Прощай же! И спасибо за участие!

(Уходят.)

Сцена шестая

Келья брата Лоренцо.

Входят БРАТ ЛОРЕНЦО и РОМЕО.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Пусть небо улыбнется, наблюдая
За освящением брака, чтобы мы
Потом себя не прокляли.
РОМЕО. Аминь!
Какое ни ждало бы нас проклятье,
Оно не сможет истребить блаженства
Одной минуты с ней наедине.
Священным словом руки нам скрепи,

И пусть их тут же смерть разъединит, —
Я буду счастлив, что успел невесту
Назвать своей женой.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Слепая страсть
Сгорает, ослепленная своим
Триумфом ложным. Порох и огонь,
Соединясь, взрываются от счастья.
Порою мед, до приторности сладкий,
Теряет на поверку всякий вкус.
Люби, но в меру, — будешь век любить.
Не в срок сойдет с дороги тихоход;
И слишком резвый к сроку не придет.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

А вот и наша леди. Не припомнит
Походки легче камень этих плит.
Любовь, она как воздух: кто влюблен,
Пройдет и по осенней паутинке.
Кто легкомыслен, тот и невесом.

ДЖУЛЬЕТТА. Святой отец, день добрый!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Дочь моя,

Тебя Ромео поблагодарит
За нас обоих, что не опоздала.

ДЖУЛЬЕТТА. Но будет он и вас благодарить.
Легко ль ему придется?

РОМЕО. Если счастье

Твое, Джульетта, моему равно
И если ты, превосходя меня,
Еще способна говорить об этом,
То сладостным дыханием окутай
Гармонию взаимного блаженства,
Которая звучит в свиданье нашем.

ДЖУЛЬЕТТА. Страсть говорит на языке поступков,
Гордится не словесной мишурой,
Но сущностью своею. Только нищим
Дано учесть имущество свое.
А я богата: возросла любовь
Да так, что не учтешь и половины.

БРАТ ЛОРЕНЦО. За малым дело: вас соединить.
Ну, а пока не освящен ваш брак,
Одних вас оставлять нельзя никак.

(Уходят.)

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Городская площадь.

Входят МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, ПАЖ и СЛУГИ.

БЕНВОЛИО. Меркуцио, пожалуйста, уйдем.

Того и жди, нагрянут Капулетти,

И потасовки нам не избежать.

Так жарко — поневоле вспыхнет кровь.

МЕРКУЦИО. А сам ты разве не из тех, кто, зайдя в кабаk, бьет шпагой об стол, приговаривая: «Дай Бог тебе остаться в ножнах!» — и ни с того ни с сего сует ее под нос лакею, налакавшись?

БЕНВОЛИО. По-твоему, я из таких?

МЕРКУЦИО. Безусловно. Ты же итальянец. Горячность у тебя в крови. Ты до крайности горяч, а разгорячившись, доходишь до крайностей.

БЕНВОЛИО. Ты это серьезно?

МЕРКУЦИО. Более чем. Один такой, как ты, плюс еще один — в итоге ни одного: вы прикончите один другого в два счета. С кем только ты не враждуешь! И с тем, кто хоть на волос в чем-то превосходит тебя; и с тем, кто ест зелень, прямо глядя в твои зеленые глаза, — кому как, а тебе этого за глаза хватает для ссоры. Твоя голова начинена, как пирог дичью, самыми дикими поводами для рукопашной. Она у тебя и так изрядно вспахана рукоприкладством, не ровен час останется, как выеденный пирог, без всякой начинки. Не ты ли спустил собаку на прохожего только за то, что он спугнул ее своим кашлем? Или, может быть, не ты прибил портного, щеголявшего в пасхальном костюме задолго до Пасхи? А что ты сделал с тем несчастным, у которого новые башмаки не вязались со старыми подвязками? И ты еще вынуждаешь меня избегать ссор?

БЕНВОЛИО. Будь у меня такая драчливая репутация, как у тебя, мне бы никто не поверил в долг под простую расписку: через час с четвертью я бы оказался несостоятельным должником.

МЕРКУЦИО. Под простую расписку! Эх, ты, святая простота!

(Входят ТИБАЛЬТ *и* ДРУГИЕ.)

БЕНВОЛИО. Клянусь рукою, это Капулетти!

МЕРКУЦИО. Клянусь ногою, мне на них плевать!

ТИБАЛЬТ. За мной, друзья! Есть у меня два слова

Для одного из этих двух господ. —

День добрый...

МЕРКУЦИО. Вот и сказаны два слова!

Нельзя ль прибавить к ним один удар?

ТИБАЛЬТ. Дадите повод — с радостью.

МЕРКУЦИО. Что за радость — идти на поводу у других?

ТИБАЛЬТ. Меркуцио, напрасно ты подыгрываешь Ромео.

МЕРКУЦИО. Подыгрываю? Ничего себе! Разве мы похожи на менестрелей? Если уж мы заиграем, ты оглохнешь от нашей какофонии! Вот мой смычок! (*Указывает на свою шпагу.*) Ты у меня сам запоешь, черт побери! Подыгрываю!

БЕНВОЛИО. Остыньте, господа! Мы в людном месте.

Куда-нибудь идемте с глаз долой

Взаимные обиды разбирать

Иль вовсе разойдемся. Люди смотрят.

МЕРКУЦИО. А что им делать, если есть глаза?

Я не намерен никому в угоду

Отсюда уходить.

Входит РОМЕО.

ТИБАЛЬТ. Ну и не надо.

Явился тот, кто требуется мне.

МЕРКУЦИО. Пускай меня повесят, если он

По требованью твоему явился!

Ромео может удовлетворить

Одну твою потребность — в поединке!

ТИБАЛЬТ. Привет, Ромео! Ненависть моя

Уместится в два слова: ты — подлец!

РОМЕО. Привет, Тибальт! Причина, по которой

Тебя любить я должен, не дает

Мне права отвечать на оскорбление.

Я вовсе не подлец. Но мне пора.

Ты скоро все узнаешь.

ТИБАЛЬТ. Стой, мальчишка!

Ты оскорбил меня и должен смыть

Свою вину с оружием в руках!

РОМЕО. Как перед Богом, я не провинился

Ни в чем перед тобою. Повторяю:

Ты знать не знаешь, почему, как брата,

Тебя люблю я, — но причина есть.

Так радуйся тому, что Капулетти

Мне так же дороги, как Монтегю.

МЕРКУЦИО. Позор! Бесчестье! Подлая покорность!
Терпеть нет сил! Ко мне, alla stoccata!

(Выхватывает шпагу.)

Тибальт! Уже уходишь, крысолов?

ТИБАЛЬТ. Ты это мне? Ну, и чего ты хочешь?

МЕРКУЦИО. Вашу девятую жизнь, славный кошащий царь, только и всего. Я намерен вышибить ее из вас, а заодно и первые восемь. Не угодно ли вам вытащить за ушко вашу шпагу? И не тяните кота за хвост, не то останетесь без ушек на макушке.

ТИБАЛЬТ. Готов служить.

(Выхватывает шпагу.)

РОМЕО. Меркуцио, стой!

Прошу тебя, рапиру убери!

МЕРКУЦИО. Ну, где оно, passato ваше, сэр?

Сражаются.

РОМЕО. Бенволио, нам надо их разнять! —

Принц будет недоволен, господа!

Известно всем, что противозаконны

Сражения на улицах Вероны.

Тибальт, стой! Меркуцио, не надо!

(Из-под руки РОМЕО ТИБАЛЬТ ранит МЕРКУЦИО и убегает со своими ДРУЗЬЯМИ.)

МЕРКУЦИО. Все кончено! Я ранен! Я убит!

Чума на вас... на оба ваши дома!

А что с Тибальтом? Цел и невредим?

РОМЕО. Seriously ранен ты?

МЕРКУЦИО.

Не так, чтоб очень,

Но мне как раз. Где паж мой? Ты все здесь?

Скорей беги за лекарем, скотина!

(ПАЖ уходит.)

РОМЕО. Держись, не так уж рана глубока.

МЕРКУЦИО. Ну да, она не глубже колодца и не шире церковных ворот. Но с меня и этой хватит. Если ты завтра справишься, каково мое состояние, тебе ответят: покойное. Для этого света я слишком

испорчен, уж будь уверен. Чума на вас, на оба ваши дома! Черт побери! Вот вам и собака с крысой, и мышка с кошкой! Их когти оказались смертельными для человека. Подлый хвастун, ничтожество, липовый дуэлянт, познавший только азбуку боя! Какого дьявола ты влез между нами? Он ударил меня из-под твоей руки.

РОМЕО. Я ж не хотел...

МЕРКУЦИО. Бенволио, друже,
Мне плохо. Отведи меня домой.
Чума на вас, на оба ваши дома!
Я из-за них иду невесть куда...
Кормить собой червей... Чума на вас...

(МЕРКУЦИО и БЕНВОЛИО уходят.)

РОМЕО. Меркуцио, природный дворянин,
Племянник принца, наконец мой друг, —
Вступился за меня и ранен был;
А мой случайный родственник Тибальт
Нанес мне оскорбленье! Ах, Джульетта!
Твоею красотой заморожен,
Я женщиною стал. Из-за тебя
Мужская честь расплавилась во мне.

Возвращается БЕНВОЛИО.

БЕНВОЛИО. Увы, храбрец Меркуцио скончался.
До времени его могучий дух,
Отвергнув землю, небо предпочел.

РОМЕО. Зловещий день! Закончится бедою
Моих невзгод начало роковое!

Входит ТИБАЛЬТ.

БЕНВОЛИО. Смотри, к нам возвращается убийца!

РОМЕО. Меркуцио погиб, а он глумится
Над нами хочет, жив и невредим?
Развейся, мягкотелость, словно дым!
Ко мне, огненноликое возмездье! —
Тибальт, меня назвал ты подлецом,
Но ты возьмешь обратно это слово!
Душа Меркуцио еще парит
У нас над головами, ожидая
Твою, чтоб с нею вместе отлететь.
Один из нас его сопроводит,
А то — и вместе.

ТИБАЛЬТ. Ну, держись, щенок!
Друг другу подпевали вы и здесь
И там споетесь!

РОМЕО. Это мы посмотрим,
По ком из нас сегодня запоют!

Сражаются. ТИБАЛЬТ падает.

БЕНВОЛИО. Беги, Ромео! Прочь! Тибальт убит.
Чего ж ты медлишь? Если горожанам
Ты попадешься, принц тебя казнит.
Не стой столбом! Беги, пока не поздно.

РОМЕО. Увы, я стал игрушкой судьбы!

БЕНВОЛИО. Что ж ты стоишь?

(POMEО *уходит.*)

Входят ГОРОЖАНЕ и СТРАЖА.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Меркуцио убит!
Убит Тибальт! Куда убийцы скрылись?

БЕНВОЛИО. Один погиб, а где другой, не знаю.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Ты арестован и пойдешь со мной.
Ты должен подчиниться.

Входят ПРИНЦ с ПРИДВОРНЫМИ, МОНТЕГЮ и КАПУЛЕТТИ с ЖЕНАМИ и ДРУГИЕ.

ПРИНЦ. Где мерзавцы,
Начавшие кровопролитный бой?

БЕНВОЛИО. О принц пресветлый, схватки роковой
Я видел злополучное течение.

Того, кем был убит без сожаленья

Меркуцио, ваш родич дорогой, —

Убил Ромео собственной рукой.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

Тибальт! Родная кровь! Племянник милый!

Сын брата моего! Сошел в могилу!

Но если есть на свете справедливость,

То кровь за кровь пролейте, ваша милость!

О мой кузен возлюбленный!

ПРИНЦ. Однако

Я должен знать, кто начал эту драку.

БЕНВОЛИО. Резню Тибальт затеял и зарезан.

Ромео уговаривал его,
Просил не ссориться по пустякам,
Напоминал про гневный ваш запрет,
Хотел унять вражду рукопожатьем
И чуть ли на колени не вставал,
Но толку не добился. А Тибальт,
Разгоряченный свыше всякой меры,
На бедного Меркуцио напал.
Меркуцио вспыхнул при виде стали
И встретил шпагу шпагою своей.
Они сошлись, разящие удары
Парируя легко и упиваясь
Своим искусством самообороны.
Ромео им кричал: «Остановитесь!
Вложите шпаги в ножны!» — наконец
Вмешался в поединок и развел
Одним ударом грозные мечи.
Но как на грех из-под руки Ромео
Нанес Тибальт предательский удар
Достойному Меркуцио и скрылся.
Но вскоре возвратился почему-то.
Тогда в Ромео пробудилась месть.
Как молнии, рапиры засверкали.
Я не успел им помешать. Ромео
Тибальта заколол и убежал.
Пускай меня повесят, если лгу.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. О принц, не верьте нашему врагу!

Он Монтегю. Им правда не по нраву.
Они собрали целую ораву,
Чтоб одолеть Тибальта одного.
Ромео подло погубил его
И должен за убийство поплатиться!

ПРИНЦ. А ваш Тибальт, он разве не убийца?

За кровь Меркуцио, мне дорогую,
Кого теперь к ответу привлеку я?

МОНТЕГЮ. Ужель Ромео? Да, он виноват,

Но он же мстил за друга. А Тибальт
И без Ромео был бы осужден.

ПРИНЦ. Ромео также преступил закон

И выслан будет. Нынче и меня
Коснулась ваша гнусная резня.
За кровь мою, за ваш жестокий нрав
Я наложу на вас огромный штраф.
Вы у меня расклетесь вполне

За то, что горе причинили мне.
Вовек не искупить вам преступленья
Ценою слез, мольбы и сожаленья.
Я буду тверд. Ромео — с глаз долой!
Найдут его — простится с головой.
Тела убрать. И помнить слово принца.
Кто милует убийц, тот сам убийца.

(Уходят.)

Сцена вторая

Сад Капулетти.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Лихие кони, пламя из-под ног!
Вам день пути до Фебовых покоев,
Возница ваш не хуже Фаэтона,
И мрак летит за вами по пятам.
На помощь, ночь! Своею пеленою
Влюбленных скрой от любопытных глаз,
И мы с Ромео, немые и незримы,
В объятия друг друга заключим.
Любовь слепа, и тьма ей не помеха.
Любовный ритуал и красота
Возлюбленных им служит ночником.
Приди, благовоспитанная ночь,
Затянутое в черное особа,
И научи по доброте своей,
Как нам, неопытным в игре любовной,
Себя утратив, обрести себя!
И кровь мою, стучащую в висках,
Своим дыханьем черным охлади.
Пусть чувство осторожное мое,
Чуть осмелев, перед лицом любви
Проявит простодушную покорность.
Приди, о ночь! Ромео, приходи!
Ты — день в ночи; ты — свет на крыльях тьмы,
Как изморозь на крупе вороного!

Ночь, милая, возлюбленная ночь,
Сверкни скорее черными очами!
Дай мне Ромео! А когда умрет,
Ты прах любимый в звезды обрати.
Чело небес тогда преобразится,
И все тебя начнут боготворить,
Отвергнув ослепительное солнце.
Приобрела я особняк любви,
Но без любви живу особняком.
Я отдана, но взять меня не взяли.
Тоска на сердце. День застыл на месте,
Как для детей предпраздничная ночь,
Когда они, подарки предвкушая,
Не в силах спать. — Вот няня! Наконец-то!
Она мне все расскажет о Ромео.
Кто это имя вслух произнесет, —
Уже поэт.

Входит КОРМИЛИЦА с веревочной лестницей.

Что, няня, ты мне скажешь?
Что у тебя? Какие-то веревки?
Ах, лестница! Ромео передал?
КОРМИЛИЦА. Ну, лестница! Ну, передал Ромео!

Бросает веревочную лестницу.

ДЖУЛЬЕТТА. Что ж ты ломаешь руки? Что стряслось?

КОРМИЛИЦА. Ах, горе-то какое! Он убит!

Убит совсем! И мы совсем убиты!

Убили! Погубили! Извели!

ДЖУЛЬЕТТА. Неужто небеса так вероломны?

КОРМИЛИЦА. Спроси Ромео — небо не тревожь!

Кто б мог подумать? Вот вам и Ромео!

ДЖУЛЬЕТТА. Мучительница! Чертово отродье!

В аду не истязают так, как ты!

Себя убил Ромео? Говори!

Да или нет? Безжизненное «да»

Мгновенным ядом станет для меня;

Убьет быстрее, чем молниеносный

Взор василиска. Лишь произнеси

Такое «да», с собой расстанусь я,

Поскольку в этом слове — смерть моя.

Он жив? Убит? В коротких «нет» и «да»

Моя отрада и моя беда!

КОРМИЛИЦА. Нет мочи, жалко! Рана-то какая!

Сама видала. Прямо на груди.

А труп-то страшный! Белый, как бумага.

И весь в крови, о Боже! Весь в крови!

Стою, смотрю, со страху чуть жива.

ДЖУЛЬЕТТА. Разбейся, сердце! Ты разорено!

Глаза — в темницу! Низменная плоть,

В прах обратись, — чтобы в одной могиле

Ромео и меня похоронили!

КОРМИЛИЦА. Тибальт, Тибальт! Из лучших наилучший!

Какой был кавалер! Воспитан, скромн.

Зачем я смерть увидела твою?

ДЖУЛЬЕТТА. Какой же смерч сметает всех подряд?

Убит Ромео? И Тибальт погиб?

Кузен любимый и любимый муж?

Пусть грянут трубы Страшного суда!

Кому и жить-то, как не им двоим?

КОРМИЛИЦА. Нет, все не так! Один убил другого

И за убийство изгнан из Вероны.

ДЖУЛЬЕТТА. Скажи ясней. Ужель посмел Ромео

Тибальта кровь пролить?

КОРМИЛИЦА.

Ну да, посмел!

Как не посметь! Посмел!

ДЖУЛЬЕТТА.

Но как же так?

Душа змеи под внешностью цветущей?

В роскошном замке злобный людоед?

Чудесный деспот! Добрый сатана!

Прикинувшийся голубем стервятник!

Олень — остервенелый, словно волк!

Пустой болтун под маскою пророка!

Бессмыслица, похожая на смысл!

Аскет порочный! Праведный подлец!

Природа! Если демона такого

Ты наделила райскими чертами,

Кто сотворен тобой для преисподней?

Зачем столь отвратительный роман

Имел такое пышное заглавье?

Каким путем измена прижилась

В хоромах этих?

КОРМИЛИЦА.

Все они такие.

Ни совести, ни чести, ни стыда.

Все им бы лгать, мерзавцам, притворяться,

Все им бы греховодничать да пить.

Плесни-ка мне вина, а то помру.

Ох, горе! Ох, несчастье! Ох, беда!
Стыд и позор Ромео твоему!

ДЖУЛЬЕТТА. Чтоб у тебя язык отсох за это!

Ромео мой рожден не для позора.
Позор и сам сгорел бы со стыда,
Когда б лица любимого коснулся.
Оно — престол державный, на который
Претендовать могла бы только честь,
Владычица земли. Как я посмела,
Тварь низкая, Ромео укорять?

КОРМИЛИЦА. Ну да, хвали теперь убийцу брата!

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео — мой супруг, мой господин.

Не мне его поступки обсуждать.
Ах, ты мой бедный! Кто же приголубит
Тебя, любимый, если оттолкнула
Жена, едва придя из-под венца?
Но ты, негодный муж, убил кузена!
Хотя кузен негодный мог убить
Тебя, мой муж! Прочь, глупая слеза!
Вернись назад, к истоку своему!
Рабыня горя ты, а не веселья,
Кому ты служишь только по ошибке.
Мой муж остался жить, убив Тибальта.
Тибальт погиб, убить пытаюсь мужа.
Все хорошо. Но почему ж я плачу?
Не смерть кузена, а одно словцо
Меня сразило. Мне б его забыть.
Но нет, оно впивается мне в память,
Как преступление в совесть негодяя.
Тибальт убит... не то, совсем не то!
Ромео изгнан! Изгнан! Это слово
Равно убийству тысячи Тибальтов.
Тибальт погиб — но это лишь начало.
Несчастья одиночества не любят,
Идут себе сплошною чередой.
Ну почему, сказав: «Тибальт убит», —
Ты сразу не прибавила, что следом
Скончалась мать, за матерью — отец?
Я разом бы все выплакала слезы.
«Ромео изгнан!» — это подкрепление
Твоим словам о гибели Тибальта.
«Ромео изгнан!» — значит, вся семья
Погибла: мать, отец, Ромео, я;

Ах, няня, в новостях твоих таится
Смерть без конца, без меры, без границы!
А где отец и мать?

КОРМИЛИЦА. Где ж быть-то им?

Рыдают над племянником своим.
Пойдем, поплачешь с ними заодно.

ДЖУЛЬЕТТА. Я об изгнание милого заплачу,

Когда они отплачут, не иначе. —
Мы, лестница, обмануты с тобою.
Ромео не войдет в мои покои.
Тебя готовил он, имея цель
Сегодня же попасть в мою постель.
Веревки, прочь! Теперь, вдова-девица,
На вас могу я только удавиться.
Пойду прилечь. Безмужняя жена,
Теперь я богу смерти отдана.

КОРМИЛИЦА. Вот и ступай. А я пойду к Ромео.

Он не уехал. К вечеру придет.
Ну, успокойся же. Утри лицо.
Он у монаха ждет, в исповедальне.

ДЖУЛЬЕТТА. О, рыцарь мой! Отдай ему кольцо.

И пусть зайдет перед дорогой дальней.

(Уходят.)

Сцена третья

Келья брата Лоренцо.

Входит БРАТ ЛОРЕНЦО.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Поди сюда, злосчастный мой Ромео.

Сюда поди. В достоинства твои
Страдание влюбилось. Ты повенчан
С бедой.

РОМЕО. Какая ж новая напасть
Со мною жаждет свидеться? Какое
Мне наказание приготовил принц?

БРАТ ЛОРЕНЦО. Увы, мой сын, с тобою породнились

Все горести на свете. Принц велел
Тебе покинуть...

РОМЕО. Этот мир, должно быть?

БРАТ ЛОРЕНЦО. О нет, не к смерти милосердный принц
Тебя приговорил, а лишь к изгнанию.

РОМЕО. К изгнанию? К ссылке? Смилуйся, отец!
Изгнание смертельно для меня.

Умру, но я отсюда не уеду!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Увы, придется. Поживешь один,
Посмотришь мир, великий и прекрасный.

РОМЕО. Но для меня весь мир — Верона!
Уехать мне — в чистилище попасть,
В огонь, в геенну. Это не изгнание,
А ссылка на тот свет, прямая смерть,
Сменившая название свое.
Сказав «изгнание», ты берешь топор,
Хотя и золотой, и, улыбаясь,
Зовешь меня на казнь...

БРАТ ЛОРЕНЦО. Неблагодарный!

Ты согрешил, ты преступил закон,
Но добрый принц закрыл глаза на это
И смерть твою в изгнание превратил.
Слепец, и тот узрел бы в этом милость.

РОМЕО. На милость эта попытка не похожа.
Там небосвод мой, где моя Джульетта.
Собакам, кошкам, крысам, прочим тварям
Дано дышать с ней воздухом одним
И на нее смотреть — но не Ромео!
Он хуже мух, питающихся гнилью;
Они его учтивей, благородней
И право заслужили прикасаться
К ее рукам, до изумленья белым,
Иль похищать небесное блаженство
Со свежих и невинных губ ее,
Алеющих от нежного греха
Невольно целовать одна другую.
Любая муха может к ней лететь,
Один Ромео должен — от нее.
И ты сказал, изгнание лучше смерти?
Ни ядом, ни наточенным кинжалом,
Ни нападением из-за угла
Меня бы ты вернее не убил,
Чем этим словом. Грешники в аду

Вопят от боли, если их пытаются
Твоим «изгнанием». О, святой отец!
О, пастырь, отпускающий грехи
Мне, другу, утверждал ты, своему, —
Как у тебя язык-то повернулся
Убить меня «изгнанием» своим!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Глупец влюбленный, выслушай меня...

РОМЕО. И слушать об изгнание не хочу!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Я дам тебе защиту от него.

С тобой наисладчайшее лекарство:
Поможет философия тебе
Спасенье и в изгнание обрести.

РОМЕО. Опять «изгнание»! И не подходи
Ко мне ты с философией своей!
Она ведь не заменит мне Джульетту,
Не сблизит города и не отменит
Отъезда моего? Тогда молчи.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Безумцы, видно, ничего не слышат.

РОМЕО. Когда пророк не видит ничего!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ты не даешь и слова мне сказать!

РОМЕО. Нам не о чем с тобою говорить!
Не молод ты, в Джульетту не влюблен,
Ты не женился час тому назад,
Тибальта не убил и не отправлен
В изгнание, безумный от любви.
Сперва стань мною, после рассуждай,
Рви волосы свои и падай на пол,
Собой свою могилу измеряй.

Стук в дверь.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Вставай, Ромео, спрячься.

РОМЕО. Ни за что!

Пусть, как туман, окутают меня
Лишь душераздирающие вздохи.

Стук.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ты слышишь? — Кто там? — Уходи, Ромео!
Ведь арестуют. — Я иду! — Вставай!

Стук.

Укройся в келье. — Кто там? Я сейчас. —
Какой упрямец, Бог ты мой! — Иду!

Стук.

Вот расстучались! Кто вы? Что случилось?
КОРМИЛИЦА (*за сценой*). Впустите же скорей! Я с порученьем
От молодой, от леди Капулетти.
БРАТ ЛОРЕНЦО. Входите, если так.

Входит КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА. Святой отец!

Скажите, где супруг моей Джульетты?

Ромео где?

БРАТ ЛОРЕНЦО. Да вот он, на полу,

Слезами упивается своими.

КОРМИЛИЦА. Ну, копия она. Ну, как две капли.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Переживаний горьких совпадение.

Подобия расколотых сердец.

КОРМИЛИЦА. Вот и она: лежит себе и плачет,

И стоном стонет, и ревмя ревет. —

А вам негоже. Или вы не муж?

Жена таким вас видеть не должна.

Вставайте же. Не стоит так рыдать.

РОМЕО. Ах, нянюшка!

КОРМИЛИЦА. Ну, что вы! Все мы смертны.

РОМЕО. И что Джульетта? Как она? Скажи:

Я для нее законченный убийца

Ее родных и близких? Нашу радость

Новорожденную я осквернил

Тибальта кровью? Где моя Джульетта?

Что говорит повенчанная тайно?

Клянет любовь развенчанную нашу?

КОРМИЛИЦА. Какое — говорит! Рыдает молча.

С кровати вскочит, закричит: «Тибальт!»

Потом «Ромео!» вскрикнет и опять —

Ничком в кровать.

РОМЕО. Я именем своим

Убил ее, как пушечным ядром;

Как погубил я родича ее

Вот этою треклятою рукою.

В какой же части тела моего,

Отец мой, затаилась эта кличка, —
Притон я этот в щепки разнесу!

(Выхватывает шпагу.)

БРАТ ЛОРЕНЦО. Уймись, глупец! Женоподобный муж!

Мужчина слез не льет и, словно зверь,
Не предается ярости слепой.
Не мальчик ты уже, а поведением
На зверя и на женщину похож.
Клянусь, я потрясен. Я полагал,
Что можешь ты держать себя в руках.
Тибальта ты убил — убей теперь
Свою особу, и твоя супруга,
Что на тебя не может надышаться,
С собою вмиг покончит. Для чего
Ты проклял жизнь и на смерть осудил
Свое происхождение, небо, землю,
Хотя они в тебе воплощены?
Позор тебе за то, что ты позоришь
Себя, свою любовь и свой рассудок!
Сокровищем таким располагая,
Его ты стережешь, как ростовщик,
И не стараешься преобразить
Рассудок свой, любовь свою, себя.
Как ты ни благороден, если нет
В тебе отваги, сделан ты из воска.
Ты клялся сохранить свою любовь,
Но это будет клятвопреступление,
Раз ты убьешь ее своей рукой.
А твой рассудок, если вспыхнет он
В тебе, как порох в ранце новобранца,
Тебя же самого с твоей любовью
И покалечит — и повержен будешь
Ты собственным оружием своим.
Мужчина, встань! Себя ты не убил,
А значит, будет жить твоя Джульетта.
Ведь это счастье. Ты убил Тибальта,
Хотя он мог — тебя. И это счастье.
Закон, который был тебе врагом,
По-дружески сменил свой гнев на милость.
И это счастье. Голову твою
Святые осенили небеса.
Удача нарядилась для того,

Чтобы снискать твое расположение,
А ты пеняешь на свою судьбу,
Подобно вечно недовольной девке!
Знай, ничего хорошего не ждет
Таких, как ты. Ведь все же решено:
Ты ночью пробираешься к Джульетте,
Чтобы ее как следует утешить,
Но от нее уйдешь до первой стражи,
Чтоб на рассвете в Мانتую попасть.
Там и живи, пока мы не расскажем
О вашем браке всем, и ваши семьи
На этом не помирим. Ты подашь
Прошение принцу, он тебя простит,
И ты, по возвращении домой,
Счастливей будешь в двадцать тысяч раз
Сильнее, чем тоскуешь до отъезда. —
Кормилица, пусть леди всем предложит
Пораньше лечь: ведь хлопоты и беды
Нас клонят в сон. Ромео к ней придет.

КОРМИЛИЦА. Стояла бы и слушала всю ночь.
И то сказать: ученый человек. —
Джульетте передать, что вы придете?

РОМЕО. Конечно! И пускай меня бранит.

КОРМИЛИЦА. Чуть не забыла! Вот ее кольцо.
Берите, сэр, и — к ней. Уже стемнело.

(Уходит.)

РОМЕО. Отец мой, я воскрес от слов твоих!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ступай. Спокойной ночи. Но смотри:
Ты ставишь все на карту. Уезжай
До первой стражи или на рассвете.
Но только не забудь переодеться.
И как бы здесь ни шли твои дела,
Ты обо всем и в Мантуе узнаешь
Через меня и твоего слугу.
Дай руку и ступай. Спокойной ночи.

РОМЕО. С тобою расставаться очень жаль...
Но счастье ждет меня, а не печаль.
Прощай!

(Уходят.)

Сцена четвертая

Комната в доме Капулетти.

Входят КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ, и ПАРИС.

КАПУЛЕТТИ. Из-за беды, свалившейся на нас,
Джульетта ничего еще не знает.
Мы так любили нашего Тибальта...
Что ж, все там будем. Поздно вы пришли:
Джульетта вниз не спустится уже.
Сказать по правде, если бы не вы,
Мы тоже спали бы.

ПАРИС. У вас несчастье,
А я со свадьбой... Доброй ночи, леди.
И мой поклон Джульетте.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Передам.
До завтра, сэр. Я все ей расскажу.
Сегодня же она в силках тоски.

КАПУЛЕТТИ. Считайте, что вы сделали, Парис,
Через меня Джульетте предложенье.
Я думаю, она вам не откажет,
Раз я велю. Сомнения в этом нет.
А все же вы, миледи, перед сном
Поговорите с нею о Парисе.
Узнает пусть, что в среду... Погодите...
Сегодня понедельник?

ПАРИС. Понедельник.

КАПУЛЕТТИ. Тогда, наверно, в среду рановато...
А вот в четверг... Скажи ей, что в четверг
Она пойдет с Парисом под венец.
А вы готовы, благородный граф?
Успеете ли вы? Без всякой помпы...
Лишь два-три друга... Траур ведь у нас...
Давать балы в разгар такой печали
Не подобает: могут осудить.
Ну, а в кругу друзей... Итак, в четверг?

ПАРИС. Жаль, завтра не четверг, а только вторник.

КАПУЛЕТТИ. Тогда до после-после-... послезавтра. —
А ты к Джульетте все-таки зайди
И все скажи ей — свадьба как-никак. —
Прощайте, сэр. — Эй вы, зажгите свет!
Пора вставать, а мы еще не спали. —
Спокойной ночи!

(Уходят.)

Сцена пятая

Сад Капулетти.

Через окно видны РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Куда же ты? Еще совсем темно.
Тебя не жаворонок разбудил,
А соловей вспугнул. Он каждой ночью
На дереве гранатовом поет.
Поверь мне, милый, это соловей.

РОМЕО. Не соловей, а жаворонок это,
Герольд зари. Зловещее светило
Просачивается сквозь облака.
Ночные свечи гаснут понемногу.
По склонам гор, закутанных в туман,
Крадется жизнерадостное утро.
С тобой прощусь я, значит, буду жить;
С тобой побуду — с жизнью распрощусь.

ДЖУЛЬЕТТА. Не спорь, любимый, это не рассвет.
Я знаю: солнце, презирая ночь,
Своих посланцев шлет, чтобы они
Сопроводили в Мантую тебя.
Не уходи. У нас еще есть время.

РОМЕО. Что ж, если ты велишь, я остаюсь.
И пусть за мной придут — я в оправданье
Скажу им так: «Свечение исходит
Не из очей Авроры золотой,
А от чела Дианы бледноликой;
Не жаворонка пенье рассекает
Над головой ночные небеса»...
С тобой мне радость, без тебя мне горе.
Твое желанье для меня закон,
И значит, здравствуй, смерти! Поговорим,
Любовь моя, пока не рассвело.

ДЖУЛЬЕТТА. Нет, нет, иди! Уже совсем светло!
А за окном какой-то мерзкий писк,
Концерт кошачий, право. Кто сказал,
Что жаворонка пенье сладкозвучно?
Несладко нам, а значит, это ложь.
Легенда есть, что жаворонок смотрит
На мир подлунный жабыими глазами, —
Пусть он тогда и квакает по-жабы!
Объяття наши разрывает он:

День на дворе — и ты приговорен.
Беги скорей: светлеет лик светила!

РОМЕО. А мы в печали — черной, как чернила.

КОРМИЛИЦА (*за сценой*). Джульетта!

ДЖУЛЬЕТТА. Няня!

Входит КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА.

Матушка идет!

В разгаре утро. Будьте начеку.

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА. Заря спешит сюда, любовь — отсюда!

РОМЕО. Еще один прощальный поцелуй —

И я уйду! Прощай!

(Спускается в сад.)

ДЖУЛЬЕТТА.

И это все?!

Мой господин, мой друг и мой супруг,

Чтоб ежечасно письма присылал!

В минуте столько лет — не сосчитать,

И этот счет сведет меня в могилу

Гораздо раньше, чем вернешься ты.

РОМЕО. Удобным будет случай или нет,

Я буду за приветом слать привет.

Прощай!

ДЖУЛЬЕТТА. Прощай! Ты думаешь, что мы
Увидимся еще?

РОМЕО.

Не сомневаюсь.

Когда вернусь я, будем вспоминать

С улыбкою мы наши злоключения.

ДЖУЛЬЕТТА. А у меня предчувствие плохое.

Мне показалось — Господи, помилуй! —

Что ты, меня покинув, перешел

В загробный мир. Ты что-то побледнел —

Или меня обманывает зренье?

РОМЕО. И ты белей бумаги — расставань

Нам иссушило душу... До свиданья!

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА. Фортуна, ты изменчивой сывешь.

Но если это правда, не меняйся.
Ромео никогда мне не изменит,
А ты к нему за это изменись
И поскорей верни его обратно.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ (*за сценой*).

Джульетта, дочка, с кем ты говоришь?

ДЖУЛЬЕТТА. Кто это? Мать? Зачем она пришла?

В такую рань проснуться! Или нет:

Не спать в столь поздний час! Что это значит?

Входит ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Тебе не легче, доченька?

ДЖУЛЬЕТТА.

Не легче.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ты все рыдаешь? Но твоим слезам

Не стать живой водой, не оживить

Погибшего кузена. Перестань.

Лить слезы заставляет нас любовь,

Но истекать слезами — скудоумье.

ДЖУЛЬЕТТА. Любимого лишиться — и не плакать?!

Вот если б я бесчувственной была...

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Того и жди, что ты лишишься чувств.

Любимый не вернется, плачь не плачь.

ДЖУЛЬЕТТА. Я чувствую, кого лишилась я,

Поэтому и плачу о любимом.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Не столько эта гибель, сколько то,

Что жив мерзавец, мучает тебя.

ДЖУЛЬЕТТА. Какой еще мерзавец?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

Монтегю!

ДЖУЛЬЕТТА. Ромео, что ли?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

Разве не мерзавец?

ДЖУЛЬЕТТА (*в сторону*). Ромео мой на мерзость неспособен! —

Скажу от сердца, что из-за Ромео

Болят в груди: Господь ему судья.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Но не уйдет убийца от расплаты!

ДЖУЛЬЕТТА. Я б расплатилась. Попадись он мне,

Своими бы руками задушила!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Не плачь, мы отомстим. Бродяга этот

И в Мантуе не скроется от нас.

Я кой-кого там знаю, кто бы мог

Таким вином Ромео угостить,

Что он составит общество Тибальту.

Тебя, надеюсь, удовлетворит

Такой исход?

ДЖУЛЬЕТТА. До той поры, пока
Ромео здесь не ляжет предо мною,
Мне удовлетворенной не бывать.
Как вспомню о кузене — сердцу больно.
Отвар я собираюсь приготовить
И с вашим человеком передать
Ромео — чтобы он уснул спокойно.
Когда произношу я это имя,
Душа исходит кровью, что нельзя
Немедленно, любви к Тибальту ради,
К его убийце кинуться на грудь!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Давай отвар, а человек найдется.
Теперь тебя обрадовать хочу.

ДЖУЛЬЕТТА. Скажите — чем? А то уже давно
Не радовалась я. Как раз пора.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Скажи спасибо своему отцу.
Чтобы рассеять горести твои,
Тебе готовит он такое счастье,
Какого в мыслях не было у нас.

ДЖУЛЬЕТТА. Пусть будет счастье. Только поскорей.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Куда как скоро, доченька. В четверг
Изящный, знатный джентльмен, граф Парис,
Пойдет с тобой в собор Петра Святого,
Где назовет тебя своей женой.
Вот счастье-то!

ДЖУЛЬЕТТА. Клянусь Петра собором
И заодно Петром, что граф Парис
Женой своей меня не назовет!
Он мне еще руки не предложил —
А я вприпрыжку замуж? Что за срочность?
Я не пойду — вы так и передайте
Отцу и господину моему.
Уж лучше за Ромео, хоть он горе
Мне причинил. Вот счастье-то — Парис!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Договорились. Вон идет отец.
Ты это все при нем и повтори.

Входит КАПУЛЕТТИ и КОРМИЛИЦА.

КАПУЛЕТТИ. Погасло солнце — выпала роса;
Угас племянник — дождь как из ведра.
Ты же слезами, дочка, изойдешь.
Не хватит ли работать водопадом?
Не хватит ли потоп изображать?

Собой мала, а слез в тебе довольно,
Чтобы наплакать целый океан.
А выплывешь ли, милый мой кораблик,
В потоке бурном слез своих соленых?
Не разлетишься в щепы от тайфуна,
Разбуженного вздохами твоими?
Сумеешь выдержать девятый вал?
Что ж, пусть наступит штиль. Итак, жена,
Ты объявила дочке нашу волю?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Да, сэр.

КАПУЛЕТТИ.

Она спасибо хоть сказала?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ты разве эту дурочку не знаешь?

Умру, твердит, а замуж не пойду.

КАПУЛЕТТИ. Что? Погоди, жена... Как не пойдет?

Не говорит спасибо? Не гордится?

Не прыгает от счастья, что ее,

В ком ничего особенного нет,

Ведет к венцу столь знатная особа?

ДЖУЛЬЕТТА. Спасибо за намеренья благие,

Но если мне противен результат,

То чем гордиться? Только тем, что вы

Меня намеревались осчастливить?

КАПУЛЕТТИ. Ты что несешь? Как это понимать?

«Спасибо», «Мне противно», «Чем гордиться?»

Ну, вот что, избалованная дрянь:

Мне все едино, с гордостью ли без,

Но ты пойдешь в собор Петра с Парисом.

Откажешься — силком приволоку.

А скажешь ты за это мне спасибо

Или не скажешь, мне на то плевать.

Молчать, мерзавка! Бледная поганка!

Чтоб ты пропала, стерва!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

Ты сдурел!

ДЖУЛЬЕТТА. Отец, я на коленях вас прошу

Одно лишь слово выслушать мое.

КАПУЛЕТТИ. Нет, висельница! Выродок упрямый!

Вот мой приказ: в четверг пойдешь ты в церковь,

Иначе с глаз долой! Заткнись, паскуда!

Не смей перечить! Как зудит рука!

А мы считали, Бог нас наказал,

Нам подарив лишь одного ребенка.

Но прокляты мы, видно, если нам

Житья не видно и от одного.

Чертовка, сгинь!

КОРМИЛИЦА. Да Боже сохрани
 Так девушку на выданье бранить!
 Типун вам на язык!

КАПУЛЕТТИ. Ты лучше свой
 Укороти! Нашлась ума палата!
 Катись служанок разуму учить!

КОРМИЛИЦА. А что такого я сказала?

КАПУЛЕТТИ. К черту!

КОРМИЛИЦА. Что, в рот воды набрать?

КАПУЛЕТТИ. Нет, лучше пива
 В кругу соседок-сплетниц — и болтай.
 Да что с тобою, с дурой, толковать!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Прошу тебя: остынь.

КАПУЛЕТТИ. Помилуй Боже!
 Нет, я с ума сойду! Не спать, не есть,
 Ни выпить, ни в картишки не сыграть,
 Ни поработать толком — только думать,
 Где взять ей жениха. И вот — он здесь!
 И все при нем: происхождение, знатность,
 Образование, молодость, богатство,
 Достоинств масса, красота, фигура;
 Мужчина хоть куда! А эта плакса,
 Огрызок бабий, ноет и скулит,
 «Не выйду замуж», «Рано мне любить»,
 «Я слишком молода», «Прошу простить».
 Я-то прощу — не выйдешь и не надо, —
 Но впредь сама ищи себе харчи.
 До четверга подумать время есть.
 Я не шучу. И мой тебе совет:
 Повиноваться, если чтишь отца.
 А если нет, то вот тебе сума,
 Вот улица, вот паперть, вот петля.
 Клянусь, тогда я знать тебя не знаю
 И не оставлю ровно ничего.
 Все так и будет. Думай. Я поклялся.

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА. Неужто даже небо не падит
 Того, кто утонул в своей печали?
 Ах, мама, пусть на месяц, на неделю
 Отложат свадьбу! Не бросай меня!
 Не то могила мрачная Тибальта
 Мне станет брачным ложем.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

Прекрати!

Мне все равно теперь, как ты поступишь.
Ко мне не обращайся.

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Боже мой!

Что делать, няня? До тех пор, пока
Супруг мой на земле, обет мой в небе,
И только мой супруг, покинув землю,
Вернуть мне с неба может мой обет.
Я так слаба — неужто небесам
Приятно надо мною издеваться?
К кому теперь за помощью идти?
Хоть ты поговори со мною, няня.
Обрадуй чем-нибудь или утешь.

КОРМИЛИЦА. Что ж, и утешу. Твой Ромео изгнан.

Ты хоть умри, он, если и приедет,
То лишь тайком. А раз такое дело,
Иди себе за графа. Вот красавчик!
Глядит орлом и выглядит свежей,
Чем твой Ромео — тряпка половая.
И будь я проклята, когда второй
Тебе милее первого не станет:
Ну, а не станет — первый что мертвец;
Сюда явись он — толку никакого.

ДЖУЛЬЕТТА. От сердца говоришь?

КОРМИЛИЦА.

И от души.

А если нет, то чтоб мне провалиться!

ДЖУЛЬЕТТА. Аминь!

КОРМИЛИЦА.

Что-что?

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты утешать умеешь.

Иди-ка ты к миледи и скажи:

Поскольку я разгневала отца,

То ухожу замаливать грехи

К отцу Лоренцо.

КОРМИЛИЦА.

Умница моя!

(Уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА. Чертовка! Злыдня! Подлая старуха!

Ведь это грех — наускивать меня

От собственного мужа отказаться.

Сама ж его хвалила, а теперь

Порочит языком своим поганым.
Знать не хочу советчицу такую.
Одна надежда — на отца святого;
А не поможет — к смерти я готова.

(Уходит.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Келья брата Лоренцо.

Входят БРАТ ЛОРЕНЦО и ПАРИС.

БРАТ ЛОРЕНЦО. В четверг, вы говорите? А не рано?

ПАРИС. Святой отец, когда торопит тесть,

Не жениху со свадьбою тянуть.

БРАТ ЛОРЕНЦО. А вы невесту спрашивали? Нет.

Я этого одобрить не могу.

ПАРИС. Но ведь она оплакивает брата —

Как было о любви с ней говорить?

Заплачет и Венера в доме слез.

Но если вред, по мнению отца,

Приносит дочке это половежье,

И он, чтобы унять ее печаль,

Спешит устроить свадьбу, — я не против.

Девичество порою как болезнь,

Которая в замужестве проходит.

Вот почему торопимся мы с ним.

БРАТ ЛОРЕНЦО (*в сторону*).

Остановить бы вас словцом одним.

(Громко.)

Смотрите, сэр, вот, кажется, и леди.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ПАРИС. Я рад вас видеть, милая жена.

ДЖУЛЬЕТТА. Но я вам, сэр, еще не отдана.

ПАРИС. Да, но в четверг вы в дом войдете мой.

ДЖУЛЬЕТТА. До четверга дожить бы...

БРАТ ЛОРЕНЦО. Бог с тобой!

ПАРИС. Вы не на исповедь к отцу святому?

ДЖУЛЬЕТТА. К нему и только, ни к кому другому.

ПАРИС. Узнает он, что вами я любим?

ДЖУЛЬЕТТА. Он мной любим, — узнайте вместе с ним.

ПАРИС. Вы все-таки признаться мне должны.

ДЖУЛЬЕТТА. Признанию такому нет цены,

Когда лицом к лицу дают ответ.

ПАРИС. Да, на тебе лица от горя нет.

ДЖУЛЬЕТТА. От горя? Это вряд ли вероятно:

И прежде на лице бывали пятна.

ПАРИС. Свое лицо неправдой портишь ты.

ДЖУЛЬЕТТА. В моих словах ни капли клеветы.

Но даже если порчу, что с того?

ПАРИС. Оно мое, а ты клеймишь его.

ДЖУЛЬЕТТА. Весьма возможно, раз оно чужое. —

Святой отец, быть может, мне в другое

Явиться время, раз вам недосуг?

БРАТ ЛОРЕНЦО. Стой, дочь моя. Прошу вас, добрый друг,
Оставить нас.

ПАРИС. Уйду я вам в угодую.

Не помешал я набожности сроду.

(ДЖУЛЬЕТТЕ.)

В четверг я разбужу вас поцелуем,

Но только не священным, как сейчас.

(Целует ее и уходит.)

ДЖУЛЬЕТТА. Давай запремся и поплачем вместе.

Надежды нет. Кто может мне помочь?

БРАТ ЛОРЕНЦО. Мне все уже известно. Ты в печали.

Тебя просватал юный граф Парис.

Венчание в четверг. Ни дня отсрочки.

Не представляю, что здесь предпринять.

ДЖУЛЬЕТТА. Ты знаешь все и ничего не можешь?

Тогда молчи. И если никакой

Нет помощи от мудрости твоей,

Выходит, я значительно мудрей:

Мне через час поможет мой кинжал.

Сердца нам Бог, а руки ты связал,

И прежде чем я изменю Ромео,
С другим связавшись сердцем и рукой,
Я сердце умертвлю собственноручно.
Ты много видел на своем веку,
И если не подскажешь, как мне быть,
Увидишь ты, как от судьбы-истицы
Меня спасет кинжал, мой адвокат,
Который в споре с опытом твоим
Отнимет у того все полномочья
И честь мою с успехом защитит.
Скорей же! Если мне спасенья нет,
Я вскорости покину этот свет.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Стой, дочь моя! Мне будто бы открылась
Одна возможность. Кажется, я знаю,
Как отвести беду, но это средство
Отчаянное, как сама беда.
Но если впрямь готова ты покончить
С собою, только б замуж не идти,
Тебе я предлагаю смерть-не смерть,
Но что-то вроде. Если ты рискнешь,
То избежишь позора и греха,
К которому ведет самоубийство.
Я все обдумал. Дело за тобой.

ДЖУЛЬЕТТА. Чем замуж за Париса — лучше с башни
Вниз головою; лучше стать воровкой;
В рассаднике змеином оказаться;
С медведем на одной цепи сидеть;
Закрыться на ночь в морге, средь костей,
Гниющих трупов, желтых черепов;
Улечься гроб в обнимку с мертвецом;
Сойти живой в могилу наконец!
Все то, о чем я раньше не могла
Без ужаса подумать, я теперь
Без страха и сомнения исполню,
Чтобы остаться верною женой.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Тогда иди домой и притворись,
Что рада выйти замуж за Париса.
Сегодня вторник? Значит, завтра ночью
Одна останься, няню отошли.
Ложась в постель, хлебни из этой склянки,
И миг спустя ты холод ощутишь,
Почувствуешь дремоту; постепенно
Исчезнет пульс, дыхание прервется,
И в пепельную бледность перейдет
Румянец на губах и на щеках;

Как ставни, лягут веки на глаза,
Как будто смерть закрыла их навеки;
Конечности почти что омертвеют;
И ни единый член, окоченев,
Не выдаст, что в оцепеневшем теле,
Лишенном гибкости и управленья,
Остаток жизни теплится еще.
Для жениха и всех твоих родных,
Которые тебя придут будить,
Ты станешь мертвой. Как велит обычай,
Тебя оденут в лучшие наряды,
Положат в гроб открытый и снесут
В старинный склеп семейства Капулетти.
И в этом состоянье полусмерти
Часов ты сорок с лишним проведешь,
Но радость ощутишь по пробужденье.
Тем временем я изведу Ромео,
А как приедет, провожу в гробницу,
Чтобы, при нем проснувшись, в тот же час
Отправилась ты в Мантую с супругом
Подальше от позора и греха.
Все так и будет, если ты отбросишь
Сомнения свои и женский страх.

ДЖУЛЬЕТТА. О чем ты говоришь! Дай склянку! Дай!
БРАТ ЛОРЕНЦО. Держи. Ступай домой. А я монаха
С письмом отправлю в Мантую, к Ромео.
Мужайся, чтобы пыл твой не остыл.

ДЖУЛЬЕТТА. Любовь придаст мне мужества и сил.
Прощай, святой отец.

(Уходят.)

Сцена вторая

Зал в доме Капулетти.

Входят КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ,
КОРМИЛИЦА и СЛУГИ.

КАПУЛЕТТИ. Вот список: обойди всех приглашенных.

(ПЕРВЫЙ СЛУГА уходит.)

Да поискусней.

НЕ НУЖЕН.

КАПУЛЕТТИ. Это еще почему?

пальчики оближешь!» Значит, кто не лижет, готовит невкусно.

КАПУЛЕТТИ. Ладно, делай, как знаешь.

(ВТОРОЙ СЛУГА *уходит.*)

Я чувствую: набегаемся мы.

Ну что, она пошла к отцу Лоренцо?

КОРМИЛИЦА. Как миленькая!

КАПУЛЕТТИ. Это ей на пользу.

Прямой разврат — девчонкам потакать,

Когда они дерзят.

КОРМИЛИЦА. Вот и она.

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

Повеселела, душу облегчив.

КАПУЛЕТТИ. И где мою упрямыцу носило?

ДЖУЛЬЕТТА. Там, где за грех мой — неповиновение —

Преподал мне святой отец Лоренцо

Раскаянья урок и наказал

В ногах у вас валяться до тех пор,

Пока себе не вымолю прощенья.

Простите, умоляю! Больше я

Вам ни за что не буду прекословить.

КАПУЛЕТТИ. Бегом за графом! Вот он будет рад.

Я все же узы брачные свяжу.

ДЖУЛЬЕТТА. Я у монаха видела милорда

И, в чем могла, не выходя за рамки

Благопристойности, ему призналась.

КАПУЛЕТТИ. Ну, вот и ладно. Так тому и быть.

Доволен я. Вставай. А где же граф?

Бегом за графом! Сколько повторять?

Спасибо Тебе, Господи, за то,

Что здесь живет Лоренцо преподобный!

ДЖУЛЬЕТТА. Ты, няня, мне поможешь подобрать

Наряд и украшения такие.

Какие подходят новобрачной?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Куда вам торопиться? Время есть.
КАПУЛЕТТИ. Ты что? Венчанье завтра. Пусть идут.

(ДЖУЛЬЕТТА и КОРМИЛИЦА *уходят.*)

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ночь на дворе. Когда мы все успеем?

КАПУЛЕТТИ. Не беспокойся. Я похлопочу.

Все будет в лучшем виде, обещаю.
Побудь с Джульеттой, няне помоги,
А я тут, как заправская хозяйка,
Не прикорну, покуда не управлюсь.
Эй, кто-нибудь! Не слышно никого.
Мне, что ли, самому идти к Парису?
А надо бы его предупредить.
Легко ли дочь строптивую унять?
Зато теперь на сердце благодать.

(*Уходят.*)

Сцена третья

Комната Джульетты.

Входят ДЖУЛЬЕТТА и КОРМИЛИЦА.

ДЖУЛЬЕТТА. Да, это платье нравится мне больше.

Все, нянюшка, ступай. Спокойной ночи.
А мне, ты знаешь, грешнице великой,
Молиться нужно, не смыкая глаз,
Чтоб милостью небес преобразиться.

Входит ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, как дела? Вам помощь не нужна?

ДЖУЛЬЕТТА. Нет, мы уже управились, мадам.

На завтра все готово. Разрешите
Сегодня мне без няни ночевать.
Она нужнее вам. Все так внезапно.
У вас хлопот, я знаю, полон рот.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Как хочешь. Спи одна. Спокойной ночи.
И постарайся выспаться.

(ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и КОРМИЛИЦА *уходят.*)

ДЖУЛЬЕТТА.

Прощайте!

Бог знает, где мы свидимся, когда...
По жилам пробегает холодок
И душу вымораживает мне.
Как страшно быть одной! Верну их. Няня!
Нет, эту сцену жуткую сама
Я до конца сыграю, без партнера.
Где склянка? Вот. А если не поможет
Мне эта смесь? Я, стало быть, проснусь
И выйду замуж? Ни за что на свете!
Будь под рукой, кинжал, заступник мой!

(*Кладет кинжал на постель.*)

А если это яд? Хитер монах!
Он от меня избавиться решил,
Поскольку величайший грех — венчать
Жену вторично — при живом-то муже!
Неужто я права? Хотя... едва ли.
Он чуть ли не святой. А вдруг Ромео
Спаситель мой, появится чуть позже,
Чем я проснусь в гробу? Мороз по коже!
Супруга не дождавшись, умереть
От недостатка воздуха в пещере,
В зловонном и тлетворном чреве склепа!
А если выживу, перенесу ли
Я это дьявольское сочетание:
Кромешный мрак, чудовищное место,
Где реет смерть под сводом вековым
Вместилища усопших наших предков,
Чьи кости здесь прибежище нашли;
Где только что зарытый труп Тибальта
Уже в кровавом саване гниет;
Где, если верить слухам, злые духи
Средь ночи бродят, время улучив?
Не дай мне Бог проснуться раньше срока:
Смрад ощутить, услышать дикий визг —
Как будто мандрагору выдирают
С корнями из земли; от этих воплей

Не только я, — любой сойдет с ума.
Не дай мне Бог от ужасов таких
Утратить разум и в полубреду
Сорвать с Тибальта саван, разбросать
По всей гробнице родичей останки
И костью предка, словно булавой,
Свой череп в иступление раскроить.
Что вижу я! Неужто дух кузена
Пришел сюда разыскивать того,
Кто шпагой тело отнял у него?
Постой, Тибальт! Ромео, до свиданья!
Пью за тебя!

(Пьет и падает на постель.)

Сцена четвертая

Зал в доме Капулетти.

Входят ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ *и* КОРМИЛИЦА.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Достань приправ побольше. Вот ключи.
КОРМИЛИЦА. И в сдобу надо фиников с айвою.

Входит КАПУЛЕТТИ.

КАПУЛЕТТИ. Вторые петухи поют. Скорей!

Бьет третий час. К заутрене звонят.

Душа моя, следи за пирогами.

И кошелек не бойся растрясти.

КОРМИЛИЦА. Ступайте спать, хозяйшшка в штанах!

Ночь на дворе, а вы все на ногах.

Ведь завтра носом будете клевать.

КАПУЛЕТТИ. Неправда! Сроду носом не клевал,

Хотя не спать ночами приходилось.

И все по пустякам.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. О да, столь часто

Ты раньше глаз ночами не смыкал,

Что глаз теперь с тебя я не спускаю.

(ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и КОРМИЛИЦА уходят.)

КАПУЛЕТТИ. Ревнует ведь! Ревнует до сих пор!

Входят СЛУГИ с вертелами, дровами и корзинами.

Куда вы это тащите? Зачем?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. На кухню вроде. А зачем — не знаю.

КАПУЛЕТТИ. Тогда неси, не стой.

(ПЕРВЫЙ СЛУГА *уходит.*)

Дрова сырые.

Найди Петра. Он знает, где сухие.

ВТОРОЙ СЛУГА. Была бы голова, а ноги сами

Отыщут все, что надо, без Петра.

(ВТОРОЙ СЛУГА *уходит.*)

КАПУЛЕТТИ. Головоногий сыщик! Не полезет

В карман за словом этот сукин сын.

Никак светает? Граф хотел с утра,

Пораньше с музыкантами явиться.

Музыка за сценой.

Вот и они! Кормилица! Жена!

Куда все делись?

Входит КОРМИЛИЦА.

Разбуди Джульетту.

Готовь ее к венцу. А я с Парисом

Перетолкую здесь. Скорей, скорей!

Ну, что ты стала? У ворот жених!

Беги, сказал я!

(*Уходят.*)

Сцена пятая

Комната Джульетты.

Входит КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА. Миледи, мистрис, козочка моя!
Вставай, Джульетта! Ну, и лежебока!
Вставай, невеста! Деточка, вставай!
Молчишь? Молчи! Когда ж еще поспать,
Как не до свадьбы? Ведь сегодня ночью
Граф молодой не даст себе заснуть,
Но и тебе он выспаться не даст.
Помилуй Бог, никак не добужусь!
Пора вставать, мадам, вставать пора.
Вот граф сюда зайдет, а ты в постели.
Ты ж со стыда сгоришь. Да что ж такое!

(Подымает занавеску.)

Так! В платье спит! Оделась среди ночи,
Чтоб снова лечь? Миледи! Быть не может...
На помощь! Умерла! Мертва! На помощь!
Ужасный день! Зачем я дожила!
Глоток вина, не то помру. Сюда!

Входит ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Что расшумелась?

КОРМИЛИЦА.

Горе-то какое!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Какое горе?

КОРМИЛИЦА.

Страшная беда!

Смотрите сами.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Доченька моя!

О Боже! Детка, встань! Открой глаза!

Мне без тебя не жить. Сюда! На помощь!

Входит КАПУЛЕТТИ.

КАПУЛЕТТИ. Стыд и позор! Жених уже заждался,

Невесты ж нет как нет!

КОРМИЛИЦА.

Нет и не будет!

Она мертва! Скончалась! Умерла!

О, черный день!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. О, день чернее ночи!

Она скончалась! Умерла! Мертва!

КАПУЛЕТТИ. О Боже! Дай пройти. Уже остыла!

Давно не дышит. Сердце не стучит.

Оцепенело тело. Это смерть

Напала на нее из-за угла,

Как на цветы негаданный мороз.

КОРМИЛИЦА. Настал печали час!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. И время скорби!

КАПУЛЕТТИ. Я должен бы стенать, но горло мне

Сжимает смерть, укравшая Джульетту.

Входят БРАТ ЛОРЕНЦО, ПАРИС и МУЗЫКАНТЫ.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Готова новобрачная к обряду?

КАПУЛЕТТИ. Да... только не венчанья, — погребенья.

(ПАРИСУ.)

Сынок! Твою невесту в эту ночь

Бог смерти уложил в свою постель.

Он и сломал цветущий первоцвет.

Бессмертному досталась дочь моя

В супруги после смерти. Все ему,

Наследнику и зятю моему,

Отдам я: жизнь свою и средства к жизни,

Поскольку с этих пор я не жилец.

ПАРИС. Мечтал я долго нынешней заре

Взглянуть в лицо — и как теперь снести

Ее гримасу?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Горестный, треклятый,

Жестокий день! Ужаснее минут

За все свое паломничество время

Еще не отсчитало никому.

Одна, одно дитя, один ребенок, —

И всю мою отраду, счастье все

Похитила безжалостная смерть!

КОРМИЛИЦА. Зловещий, злобный, злополучный день!

Злодейский день, злокозненный, злосчастный!

Мне помереть бы — только бы не видеть

Таких тяжелых, черных, страшных дней,

Такой тоски чудовищной не знать!

ПАРИС. Обман, развод, разлад, разлука, гибель...

Тобою, отвратительная смерть,

Я побежден. Джульетта, жизнь моя,
Ты не мертва, пока тебя люблю я!

КАПУЛЕТТИ. Унижен, смят, разбит, зарезан, проклят...
Убийственное время, для чего
Ты погубило наше торжество?
Я, доченька, в тебе души не чаял,
Но ты мертва, и я почти мертвец:
Ни дочери, ни счастья, ни души...

БРАТ ЛОРЕНЦО. Как вам не стыдно? Хватит! Горе горем,
Но душераздирающие вопли
Здесь не помогут. Вашей и не вашей
Она была. Земное в ней погибло,
Зато небесное вознесено
Для вечной жизни, победившей смерть.
Мечтали вы возвысить дочь свою,
Сулили ей небесные улады —
Так почему же вы теперь не рады?
Ужель несладко ей на небесах?
Вам ясно, что она достигла рая,
Но сводит вас с ума любовь слепая.
Не та счастливей, что была женой,
А та, что умирает молодой.
Довольно слез. Возьмите розмарин,
Наряд венчальный, тело обрядите,
Как подобает, и снесите в склеп.
Природа в нас рыдает испокон,
Но плач природы разуму смешон.

КАПУЛЕТТИ. Венчальный бал, что был затеян нами,
Мы сменим черными похоронами;
Звучанье скрипок — звоном колокольным;
Роскошный пир — обедом поминальным;
Торжественное пенье — отпеваньем;
Букет невестин — траурным венком.
Все перейдет в обратное себе.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Вы, сэр, и вы, мадам, и граф Парис
Готовьтесь в усыпальницу нести
Прекрасную покойницу свою.
В том, что случилось, вы виновны сами.
Поэтому не спорьте с небесами.

(КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ, ПАРИС
и БРАТ ЛОРЕНЦО уходят.)

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Что, инструмент в чехлы и — до свиданья?

КОРМИЛИЦА. В чехлы, мои хорошие, в чехлы.
Не до свиданий при такой беде.

(Уходит.)

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. И то беда — когда тебе не платят.

Входит ПЕТР.

ПЕТР. Музыканты, друзья мои, что-нибудь для души и от души. Не дайте помереть, рваните что-нибудь душевное.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. С какой стати мы будем себе душу рвать?

ПЕТР. Не себе, музыканты, а мне, ведь у меня горе. Сделайте одолжение, спойте. Какой-нибудь мотивчик повеселей, чтоб до слез проняло.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Ты это брось. Какое уж тут веселье.

ПЕТР. Значит, вы отказываетесь?

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Отказываемся.

ПЕТР. Напрасно. Я бы у вас в долгу не остался.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Вернул бы нам хозяйский должок?

ПЕТР. При чем здесь деньги? Я бы тогда сказал, что у вас настоящий вокал.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Сам ты фекал, морда твоя лакейская!

ПЕТР. А за лакейскую морду я вас так измордую кинжалом, — си-ре-ной взвоете и фа-ми-лию свою забудете, бекар-лики несчастные!

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. А не об-ре-мизисься?

ВТОРОЙ МУЗЫКАНТ. Есть кинжал — ума не надо. Так, что ли?

ПЕТР. Что ты сказал? Да я вас и без кинжала ужалю! Вот, послушайте:

«И если вас печали одолели,
И если разум с сердцем не в ладу,
То музыки серебряные трели...».

Почему «серебряные трели»? Почему музыку сравнивают с серебром? Ну-ка, Симон-струнник.

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. Потому что серебро звучит лучше всякой ноты.

ПЕТР. Тепло! Теперь ты, Хью-скрипун.

ВТОРОЙ МУЗЫКАНТ. Потому что музыкантам и серебро в радость.

ПЕТР. Еще теплее! Ну, а ты, Джемс-певун, что скажешь?

ТРЕТИЙ МУЗЫКАНТ. Говоря по совести, ничего я тебе не скажу.

ПЕТР. Вот те на! Ну да что с тебя, горлодера, взять. Ладно, мотай на ус. «Музыки серебряные трели», потому что в карманах музыканта золото никогда не звенит.

«То музыки серебряные трели
Рассеют разом всякую беду».

(Уходит.)

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАНТ. И уродится же такая ядовитая гадина!

ВТОРОЙ МУЗЫКАНТ. Да ну его, висельника, Джек! Давай пока здесь покрутимся. Кончится отпевание — хоть пообедаем.

(Уходят.)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Улица в Мантуе.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Могу ли доверять я льстивым снам,
Сулящим мне немедленное счастье?
О, да! В моей груди ликует сердце,
Как государь, взошедший на престол.
Как будто дух неведомый на крыльях
Веселых дум меня уносит в небо.
Мне снилось, умер я, но — странный сон! —
Я мыслить продолжаю и в гробу.
И тут меня жена целует в губы —
И я, воскреснув, стал царем царей!
Любовь! сплошное ты очарованье,
Когда и тень твоя чарует нас!

Входит БАЛЬТАЗАР в дорожных сапогах.

А, вот и ты! Привет! Какие вести?

Монах мне написал? Как поживает
Миледи без меня? Как мать с отцом?
Еще раз: что с Джульеттою моею?
Все нипочем, когда ей хорошо.

БАЛЬТАЗАР. Ей хорошо, милорд, все нипочем.
Что было бранным в ней, — погребено.
А что бессмертным, — в небо воспарило.
Я, траурное шествие увидев,
К вам тут же поскакал. Прошу прощенья
За то, что я с дурными новостями,
Но я обязан был вас известить.

РОМЕО. Вот, значит, как! Чтoб вы пропали, звезды!
Ступай ко мне и принеси бумаги
С чернилами. Потом — за лошадьми.
Мы едем в полночь.

БАЛЬТАЗАР. Сэр, в себя придите.
Вы так бледны и смотрите так дико,
Что это все не кончится добром.

РОМЕО. Все это вздор. Ты ничего не смыслишь.
Ты б лучше делал то, что я сказал.
Но ведь монах мне обещал писать...

БАЛЬТАЗАР. Увы, милорд.

РОМЕО. Ну, так тому и быть.
Ступай за лошадьми и жди меня.

(БАЛЬТАЗАР уходит.)

Джульетта, нынче вместе мы уснем.
Но как устроить это мне? Придумал!
Как скоро зло внедряется в мозги
Того, кто до отчаянья дошел!
Неподалеку здесь живет аптекарь, —
Я видел, как он смеси составлял, —
Бедняк несчастный, весь в обносках рваных,
До крайности нуждою доведенный,
С лицом костлявым, тощий, как скелет.
В аптеке скудной чучела висят:
И аллигатор там, и черепаха,
И кожа гад подводных. На лотках —
Убогий выбор: пузырьки, коробки,
Горшки, шпагат, гнилые семена
И никуда не годные пастилки.
Все так лежит, чтоб качество товара
Количеством ненужным возместить.
Подумал я тогда, что если вам

Понадобится яд, — а смертной казнью
Грозит его продажа, — этот нищий
Продаст и яд, чтоб как-то заработать.
Так мысль ведет с собой необходимость.
Спаси меня, ничтожный горемыка!
Вот, кажется, и домик жалкий твой.
Но выходной — аптека на замке.
Аптекарь, где ты там!

Входит АПТЕКАРЬ.

АПТЕКАРЬ. Кто тут кричит?

РОМЕО. Послушай, ты, я вижу, небогат.

Смотри: вот сорок золотых дукатов.
Мне нужен быстродействующий яд,
Чтобы мгновенно впитывался в кровь,
Освобождая от земных невзгод;
Чтоб вытолкнул дыхание из тела,
Истерзанного жизнью, так же быстро,
Как скоро вылетает раскаленный
Снаряд из смертоносного ствола.

АПТЕКАРЬ. Да, сэр, но по законам мантуанским
Тому, кто продает отраву, — смерть.

РОМЕО. Ты хочешь жить? Ты, жалкий и нагой,
Со впалыми от голода щеками,
С потухшим взором от уничиженья,
С горбом от беспросветной нищеты?
Для мира и закона ты — никто.
В миру ты по закону сыт не будешь.
Забудь закон. Вот деньги. Будешь сыт.

АПТЕКАРЬ. Не сам беру, берет моя недоля.

РОМЕО. Даю твоей недоле, — не тебе.

АПТЕКАРЬ. Смешайте это с жидкостью любой
И выпейте. И будь вы здоровей
Хоть в двадцать раз, — немедленно умрете.

РОМЕО. Вот золото — отрава для души!
Оно уничтожает гнусный мир,
А не твои ничтожные составы,
Которыми ты как бы не торгуешь.
Я отравил тебя, не ты — меня.
Прощай! И тело пищей подкрепи. —
А я — к жене в гробницу. Только там
Мне нужен ты, не яд мой, а бальзам.

(Уходит.)

Сцена вторая

Келья брата Лоренцо.

Входит БРАТ ДЖОН.

БРАТ ДЖОН. Брат францисканец! Где ты? Отзовись?

Входит БРАТ ЛОРЕНЦО.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Никак я слышу голос брата Джона.

Ты в Мантуе с Ромео говорил?

Иль предпочел он передать письмо?

БРАТ ДЖОН. Не обессудь, я в Мантую не ездил.

Я было взял в попутчики монаха,

Что здесь, в Вероне, пользуется больных.

Но нас, подозревая в том, что мы

Вернулись из чумного лазарета,

Закрыли городские санитары:

Дом опечатав, не дали уйти.

БРАТ ЛОРЕНЦО. А кто письмо Ромео передал?

БРАТ ДЖОН. Да не с кем было. Вот оно, возьми.

Тебе, и то никто не захотел

Его вернуть — боялись заразиться.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Злосчастный рок, монашеством клянусь!

Наполнено письмо не пустяками,

А важным содержанием. А теперь

Беда случиться может. Вот что, брат,

Найди мне лом и принеси сюда.

Поторопись.

БРАТ ДЖОН. Я все исполню, брат.

(Уходит.)

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ну что ж, пойду один... Того гляди,

Пробудится прекрасная Джульетта

И выберит меня за то, что нет

Из-за моей оплошности Ромео.

Придется снова в Мантую писать.

Тем временем моя укроет келья

Не мертвый этот труп из подземелья.

(Уходит.)

Сцена третья

Кладбище. Склеп Капулетти.

Входят ПАРИС и его ПАЖ с факелом и цветами.

ПАРИС. Здесь посвети. Нет, лучше погаси
Свой факел или выдаст он меня.
Теперь ступай. Нет, в роще схоронись.
И чтобы незаметно для тебя
По кладбищу не сделали и шагу,
Ты ухо приложи к земле, и если
Кто подойдет — могильные пустоты
Малейший звук усилят, — свистни мне.
Я сразу все пойму. Дай мне букеты
И сделай, как прошу.

ПАЖ (*в сторону*). Да тут со страху
И сам среди покойников помрешь!
Нет, я сбежал бы, если б не приказ.

(Уходит.)

ПАРИС. Твоя постель невинная в цветах,
Цветок любви под каменной плитою!
Ночной порою твой прекрасный прах
Моя кручина увлажнит слезою.
Навек сойдутся у твоей плиты
Цветы и слезы, слезы и цветы.

ПАЖ *свистит*.

Он, кажется, свистит? Будь проклят тот,
Кто притащился ночью на погост
И помешает чистым проявлениям
Моей любви! От факела чужого
На время, ночь, укрой меня скорей!

(Уходит.)

Входят РОМЕО и БАЛЬТАЗАР с факелом, заступом и пр.

РОМЕО. Оставь мне факел, заступ и кирку.
А завтра не забудь мое письмо
Отцу с утра пораньше передать.

Ступай и, если жизнью дорожишь,
Не смей мешать мне. Что бы ни предстало
Перед тобой, поодаль находишь.
А я пойду взглянуть в лицо лежащей
На ложе смерти госпожи моей;
Но что всего важнее — дорогое
И милое душе моей кольцо
Я в склепе с пальца мертвого сниму.
Ты мне, гляжу, не веришь, но смотри:
Замечу я, что ты за мной шпионишь, —
В куски тебя изрежу и могилы
Твоими потрохами накормлю.
В такой зловеющий час и я в таком
Безумном возбуждении, что нынче
Я и голодных тигров кроважадней,
И всех морей бушующих страшней!
БАЛЬТАЗАР. Я все исполню, сэр, не беспокойтесь.
РОМЕО. Я знал, что ты мне друг. Вот кошелек.
Всего тебе хорошего. Прощай.
БАЛЬТАЗАР (*в сторону*). Ужасен вид его. Он одержим.
И мне придется присмотреть за ним.

(*Уходит.*)

РОМЕО. Разлакомилась, мерзостная смерть,
Набив утробу лучшею из лучших!
Но я, разжав твою гнилую пасть,
Скормлю тебе не лакомый кусок!

(*Вскрывает склеп.*)

ПАРИС. Да это же надменный Монтегю!
Он погубил любимую мою —
Чистейшее на свете существо, —
Убив ее сородича: скончалась
Она от скорби. А теперь убийца
Пришел бесчестить мертвых?! Нет, шалишь!

(*Выходит на свет.*)

Стой, гнусный Монтегю! Ведь это грех —
Мстить мертвецам! Подлец! Ты арестован
За то, что самовольно возвратился.
Теперь тебе не скрыться. Ты погиб.

РОМЕО. Да, я погиб. Но ты здесь ни при чем.
Спасайся, мальчик. Нечего храбриться.
Подумай: здесь найдется место всем.
И умоляю: перестань дразнить
Того, кто до отчаянья дошел;
Не доводи его ты до греха,
Не то пробудишь зверя в нем. Прощай.
Ты мне не враг; себе я недруг сам.
И сам себя отправлю к праотцам.
Беги отсюда, если ты не глуп.
Тебе спасает жизнь безумный труп.

ПАРИС. Довольно заклинаний! Ты — преступник!

Тебе велю я следовать за мной.

РОМЕО. Ну, все, мальчишка, ты мне надоел!

Сражаются.

ПАЖ. Звонят рапиры? Надо вызвать стражу!

(Уходит.)

ПАРИС *(падает)*. Меня убил ты! Будь великодушен:

Мой труп к ногам Джульетты положи...

(Умирает.)

РОМЕО. Да будет так! Кто ж это был? Племянник

Меркуцио, достойный граф Парис!

Кто про него сказал мне, будто он

Джульетту высватал? Быть может, паж?

Ночная скачка, я был не в себе

И грезил, видно. Иль, сойдя с ума

От одного лишь имени Джульетты,

Сам все и сочинил? Дай руку мне!

Идем мы друг за другом в списке бед.

Покойся здесь, в могиле величавой,

Нет, не в могиле, юноша несчастный,

А в замке ослепительном, где спит

Прекрасная Джульетта, освещая

Собою этот пиршественный зал.

(Переносит Париса в усыпальницу.)

Лежи, убитый! Самого себя

Убийца твой здесь тоже похоронит.
Частенько разбирает смех того,
Кто умирает. Сполохом предсмертным
Зовут врачи такое состояние,
И я, быть может, вспыхну и сгорю.
Любовь моя! хоть высосала смерть
Твое медоточивое дыханье,
Не по зубам ей красота твоя.
Ты победила, милая супруга!
И на губах, и на щеках твоих
Живое знамя свежести алеет,
И незаметен тленья трупный флаг. —
А что, Тибальт, мне сделать для тебя?
Чего ты ждешь в своем гробу кровавом?
Чтобы рука, какой был срезан ты,
Пронзила юность твоего врага?
Прости за все. — Любимая! Джульетта!
Ты так прекрасна, что, тебя, должно быть,
Свел со свету и запер в темноте,
Чтобы своей наложницею сделать,
Бог смерти, этот призрачный урод.
Но я тебя спасу. Останусь здесь.
Не выйду из чертога мрачной ночи.
Здесь я остановлюсь, среди червей,
Которые тебе отныне служат.
Здесь я усну навек, здесь отдохнет
Мое измученное жизнью тело,
Здесь наконец избавлюсь я от рабства
Созвездий, насылающих беду.
Вот зрелище прощальное, глаза!
А вот прощальное объятье, руки!
А вот вам, губы, чистый поцелуй.
Вы, будучи посредниками жизни,
Тем самым сделку вечную скрепили
Меж мной и смертью, оптовым дельцом.
Сюда, ко мне, мой ядовитый друг,
Зловещий спутник, лоцман безрассудный!
Настало время в щепы разнести
Посудину, побитую штормами!
Пью за тебя, любимая!

(Выпивает яд.)

Спасибо

Тебе, аптекарь: действует отравла!
Последний поцелуй — и я умру...

(Умирает.)

(С другой стороны кладбища входит БРАТ ЛОРЕНЦО
с фонарем, ломом и киркой.)

БРАТ ЛОРЕНЦО. Святой Франциск, помилуй старика!
Не дай споткнуться посреди могил! —
Кто ходит здесь?

БАЛЬТАЗАР (выходя). Свои. Я вас узнал.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Храни тебя Господь! Скажи, дружок,
Кто факел там зажег, чей свет не нужен
Ни для червей, ни для пустых глазниц?
Горит как будто в склепе Капулетти?

БАЛЬТАЗАР. Святой отец, вы правы. Мой хозяин
И друг ваш там.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Кто именно?

БАЛЬТАЗАР. Ромео.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Когда он прибыл?

БАЛЬТАЗАР. С полчаса назад.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Ты спустишься со мной?

БАЛЬТАЗАР. Едва ли, сэр.

Мне настрого хозяин запретил
Следить за ним. И если он узнает,
Что я сюда пришел, — убьет на месте.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Пойду один. Хоть боязно, а надо.
Боюсь я, не случилось ли чего.

БАЛЬТАЗАР. Не то приснилось мне, не то взаправду, —
Случилась тут дуэль, и мой хозяин
Соперника убил.

БРАТ ЛОРЕНЦО (подойдя к склепу). Ты здесь, Ромео?
О Боже! Пятна крови на земле,
Испачканные пурпуром рапиры
Валяются у входа, даже стены
Приюта вечного обгарены.

(Входит в усыпальницу.)

Ромео? Ни кровинки на лице!
А это кто? Парис? И в луже крови!

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ (за сценой).

Показывай дорогу, мальчуган.

ДЖУЛЬЕТТА. Сюда идут! Спасенья нет! Кинжал!

(Выхватывает кинжал Ромео.)

Какое счастье! Вот тебе и ножны!

(Вонзает кинжал в грудь.)

Хоть заржавей, но дай мне умереть!

(Падает на труп Ромео и умирает.)

Входит СТРАЖА с ПАЖОМ.

ПАЖ. Смотрите: факел! Там все и случилось.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ.

Земля в крови! Хоть переройте склепы,

Но всех, кто попадется, — под арест!

(Несколько СТРАЖНИКОВ уходят.)

Нет сил смотреть! И мертвый граф Парис,

И заново погибшая Джульетта,

Которую уже похоронили.

Тут и Ромео...

(Обращается к СТРАЖНИКАМ.)

Ты — с докладом к принцу.

Ты — к Монтегю, а ты — за Капулетти.

(Трое СТРАЖНИКОВ уходят.)

Всем остальным — искать, пока на почве

Еще видны следы кровавых дел.

Без тщательного следствия не сможем

Узнать мы, что им почвой послужило.

Входит СТРАЖА с БАЛЬТАЗАРОМ.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Среди могил взят человек Ромео.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Глаз не спускайте до прихода принца.

Входит СТРАЖА с БРАТОМ ЛОРЕНЦО.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Монаха мы нашли невдалеке.

Сам и дрожит, и хнычет, и стенает,

А у него в руках — кирка и лом.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Весомые улики. Задержать.

Входит ПРИНЦ со СВИТОЙ.

ПРИНЦ. Какой несчастный случай спозаранку

В недобрый час с постели поднял нас?

Входят КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и ДРУГИЕ.

КАПУЛЕТТИ. С чего такой поднялся тарарам?

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Кричмя кричит на улицах народ:

Тому покоя не дает Парис,

Тому — Ромео, этому — Джульетта.

И толпы к склепу нашему бегут.

ПРИНЦ. Какой бедой встревожат наши уши?

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ.

Светлейший принц, убиты граф Парис,

Ромео и Джульетта. И хотя

Ее два дня назад похоронили,

Труп не остыл...

ПРИНЦ. Кладбище обыщите!

Найдите, кто замешан в злодеянье!

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. У нас тут присный мертвого Ромео

И брат святой. Они гробницу вскрыли

Орудиями, что при них нашли.

КАПУЛЕТТИ. О небо! Глянь, жена: в крови Джульетта.

В ее груди кинжал. Он оплошал.

Его жилье — пустые эти ножны

На поясе Ромео.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Боже мой!

Вид этой смерти звоном колокольным

Мне о моей кончине говорит.

Входят МОНТЕГЮ и ДРУГИЕ.

ПРИНЦ. Ты рано встал, ты видишь, Монтегю,

Что раньше лег твой сын и твой наследник?

МОНТЕГЮ. Моя жена скончалась, государь.

Наш сын в изгнание, и тоска по нем

Ее сегодня ночью задушила.

Еще беда какая посягает

На жизнь мою?

ПРИНЦ. Смотри. Увидишь сам.

МОНТЕГЮ (к РОМЕО). Что за манеры! Кто тебя учил

Костями ложиться, оттеснив отца?

ПРИНЦ. Не разжимайте рта своей печали,

Пока мы в дело ясность не внесем

И не сведем начала и концы.

И если под водительством моим

Вы пронесете горести свои

До самой вашей смерти, пусть сейчас

Беда рабом терпения побудет.

Где все подозреваемые?

БРАТ ЛОРЕНЦО. Здесь.

Я — основной, хотя подозревать

Меня в ужасном этом преступлении

Нет оснований, несмотря на то,

Что все против меня. Я буду сам

И уличать себя, и защищаться,

Сам прокурор себе и адвокат.

ПРИНЦ. Что ты об этом знаешь? отвечай.

БРАТ ЛОРЕНЦО. Рассказывать мне дольше, чем дышать

Осталось в этой жизни. Буду краток.

Покойные Ромео и Джульетта

Друг другу были мужем и женой.

Я лично освятил их тайный брак.

Но в тот же день, последний для Тибальта,

Безвременно погибшего, был изгнан

Из города Ромео. А Джульетта

Не о кузене плакала, — о муже.

Чтоб вызволить ее из плена скорби,

Ей приказали выйти за Париса.

Она — бегом ко мне, моля избавить

От двоюмужья. Вид ее был страшен,

И если б я, в науке искушенный,

Ей не дал бы питья, она с собой

Покончила бы на моих глазах.

И мой отвар подействовал, как должно:

Ее сморил на смерть похожий сон.

Я известил Ромео, чтоб супругу

Он из могилы, взятой напрокат,

Извлек, когда иссякнет сила зелья.
Но моему посланцу, брату Джону,
Не удалось уехать, и письмо
Он мне вернул. Тогда решил я сам
Дождаться пробуждения Джульетты,
Забрать ее из склепа родового
И до приезда мужа схоронить
В своем жилище. Только я пришел —
Она еще проснуться не успела, —
Как мертвецов увидел. Это были
Достойный муж и благородный граф.
Она встает. Я к ней с мольбой: прими
Смиренно волю неба и — уходим.
Тут шум меня вспугнул, и я бежал.
Но без нее. И руки на себя
Она от безысходности, как видно,
Сама и наложила. Вот и все.
Кормилица ее мне помогала
Со свадьбою. И если хоть чуть-чуть
Я согрешил — казните старика.
Закон суров, а значит, я умру
За сутки до естественной кончины.

ПРИНЦ. Святым тебя считали до сих пор.

А что доложит нам слуга Ромео?

БАЛЬТАЗАР. Я весть ему привез про смерть супруги,
И мы верхом из Мантуи — сюда,
И — к этой усыпальнице. Отсюда
Меня под страхом смерти он прогнал,
Но перед тем, как в склеп войти, велел
Письмо отцу доставить поутру.

ПРИНЦ. Дай мне его. А где же графский паж?

Зачем ты поднял на ноги охрану

И с чем сюда пришел твой господин?

ПАЖ. С цветами для скончавшейся невесты.

Велел мне отойти — я отошел.

Но с факелом тут кто-то появился

И — склеп вскрывать. Хозяин мой — за шпагу.

А я — бежать, чтоб кликнуть караул.

ПРИНЦ. Как видно из письма, монах не лгал.

Ромео здесь о браке говорит

И то, как он, узнав про смерть жены,

У бедняка-аптекаря достал

Себе отраву, чтобы умереть,

Обняв Джульетту. — Что ж молчат враги?

Вот ненависть вся ваша, Капулетти!
А вот вам кара Божья, Монтегю!
Любовью истребили небеса
Всю вашу радость. Пострадали все.
И я на ваш раздор смотрел сквозь пальцы
И родственников близких потерял.
КАПУЛЕТТИ. Брат Монтегю, мое рукопожатье
И станет вдовой долею Джульетты.
Иной не надо.
МОНТЕГЮ. Нет уж. Я решил
Ей статую поставить золотую.
Пока Верона славится, пускай
Напоминает изваянье это,
Какой была погибшая Джульетта.
КАПУЛЕТТИ. А я Ромео, жертву нашей дури,
Увековечу в золотой скульптуре.
ПРИНЦ. В печали тонет утро примиренья,
И омрачен светила тусклый взор.
Ждет наказание вас или прощенье,
Покажет дела тщательный разбор.
Но я грустней представить не могу
Истории, случившейся на свете,
Чем о любви Ромео Монтегю
И верности Джульетты Капулетти...

(Уходят.)

3 апреля 1993 — 22 июля 2003

